20 коп.

Индекс 70668

В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ «Тайна земли обетованной»;
А. ПЛАТОНОВ «Технический роман»;
В. КАРДИН «К вопросу о белых перчатках»;
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ «РОССIЯ — POESIA»;
В. ТОКАРЕВА «Старая собака»;
З. ГИППИУС «Последние стихи»;
В. ЕРОФЕЕВ «Попугайчик»;
Ф. ИСКАНДЕР «Поэты и цари»;
А. ХУРГИН «Лишняя десятка»;
Н. ИЛЬИНА «Власть тьмы»;
Н. КОРЖАВИН «Письмо в Москву»;
П. СТРУВЕ «Скорее за дело!»;
Л. РАЗГОН «Перед раскрытыми делами»;
Б. СЛУЦКИЙ «О других и о себе»;
Б. АХМАДУЛИНА «Побережье»;
Д. БАКИН «Цепь».

ISSN 0132-2095. Б-ка «Огонек». 1991. № 43. 1—48.

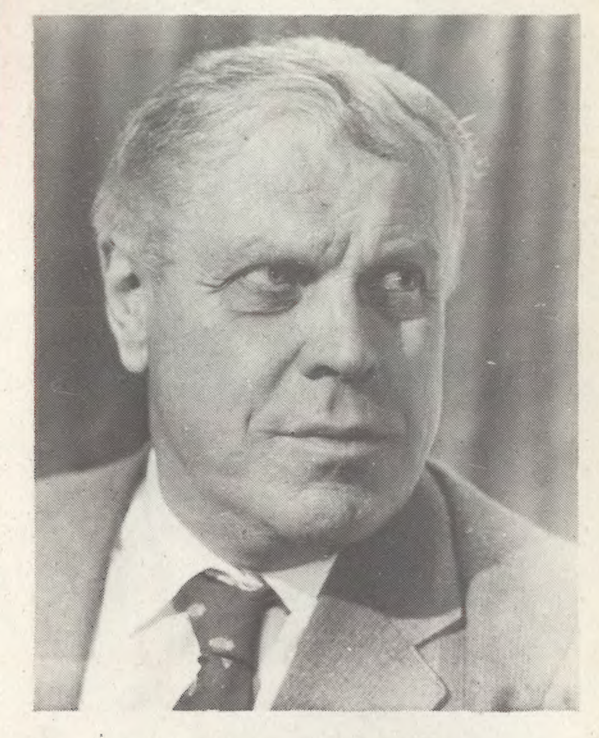
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 43 1991

Владимир СОЛОУХИН

НАВАЖДЕНИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Издается с января 1925 года

Владимир СОЛОУХИН

НАВАЖДЕНИЕ

СТАТЬИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Москва. 1991.

Владимир СОЛОУХИН

Владимир Алексеевич Солоухин родился в июне 1924 года в селе Алепино Владимирской области. Окончил Владимирский механический техникум в 1942 году. После демобилизации из армии в 1946 году поступил в Литературный институт в Москве и окончил его в 1951 году.

Первая публикация в центральной печати относится к 1946 году, а первая книжечка стихов издана «Молодой гвардией» в 1953 году. Писал и издавал стихи, рассказы, очерки, лирические повести, статьи.

Основные книги: «Дождь в степи», «Разрыв-трава», «Как выпить солнце», «Аргумент», «Седина», «Владимирские проселки», «Капля росы», «Письма из Русского музея», «Черные доски», «Время собирать камни», «Третья охота», «Трава», «Мать — мачеха» (роман), «Смех за левым плечом» и многие другие.

В 1984 году вышло собрание сочинений в четырех томах. Лауреат Государственной премии РСФСР (1979 год).

В сборнике публицистических выступлений «Наваждение» Владимир Солоухин высказывает свою точку зрения по целому ряду дискуссионных проблем истории и современности.

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

Сколько раз в разных официальных кабинетах, у главного редактора журнала, скажем, у секретаря райкома, в облисполкоме, в застекленных шкафах я видел ровные, темно-бордовые и темно-синие ряды книг, к которым и подходить близко было не нужно, чтобы сразу отметить — Ленин. Знали уж собрания его сочинений, узнавали издалека по внешнему виду безошибочно, как, взглянув на тот же Мавзолей на Красной площади, никто не спутает его с каким-нибудь другим зданием. Держать собрание сочинений Ленина каждому большому начальнику (директору завода, генералу какому-нибудь) считается не то чтобы обязательно... но как-то солидно и внушительно: письменный стол с телефонами, а около боковой стены застекленный шкаф с томами Ленина. Много их стоит у разных людей, в разных кабинетах, но не многие Ленина читали.

Взглядывая на эти тома в кабинете кого-нибудь из своих достигших официальных высот друзей, я бывало ловил себя на мысли, что не читал Владимира Ильича и теперь уж, слава Богу, пожалуй, никто и никогда не сможет меня заставить прочитать эти книги.

Но часто бывает, что маленький, незначительный эпизод вдруг заставит взглянуть на вещи по-новому, другими глазами, когда вдруг увидишь, чего не видел раньше, и станет интересным, даже жгуче интересным то, что казалось скучным.

Один читатель, пытаясь внушить мне в своем письме какую-то (не помню уж теперь) мысль о первых днях революции, написал: «А вы откройте Ленина, т. 36, пятое издание, стр. 269 и прочитайте, что там написано».

Нельзя сказать, чтобы я тотчас бросился открывать том, да и не было его у меня под руками, потому что дома я никогда Ленина не держал. Однако том и страница запомнились, и однажды на заседании редколлегии в одном журнале я оказался около шкафа с книгами. Пока говорились там умные речи и обсуждались планы, я вспомнил про наущение читателя и, потихоньку приоткрыв дверцу шкафа, достал нужный том. Наверное, еще подумали мои коллеги, что я собираюсь выступать с речью и хочу вооружиться необходимой цитатой, а я сразу, сразу

на стр. 269. Строчки ведь указаны не были, так что мне пришлось прочитать всю страницу, и я сразу понял, о каких именно строчках шла речь в письме.

«Я перейду наконец к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и речь. Попало здесь особенно лозунгу «Грабь награбленное»,— лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное... Если мы употребляем слова «экспроприация экспроприаторов», то — почему же нельзя обойтись без латинских слов?» (Аплодисменты).

Я и раньше слышал, будто существовал такой лозунг в первые же дни революции и что будто бы он принадлежал лично Владимиру Ильичу. Но тогда я думал, что он существовал по смыслу, по сути, а не в обнаженном словесном оформлении, и теперь, должен признаться, меня немного покоробила откровенная обнаженность этого лозунга. Прочитанные строки были взяты из заключительного слова по докладу «Об очередных задачах советской власти». Времени было еще много, заседание редколлегии еще только началось, я стал листать оказавшийся в моих руках том и очень скоро понял, что листанием тут не обойдешься, что надо его внимательно прочитать.

Теперь я хочу сделать для возможного читателя моих записок извлечения из этого тома, как я делал извлечения, скажем, из Метерлинка или Тимирязева, когда писал о траве. Извлечения на свой вкус, разумеется. Другой, возможно, выписал бы другие места, другие мысли... Впрочем, нет, мысли не другие, ибо и те и другие мысли были бы ленинскими. А известно, насколько единым, целостным и целеустремленным был Владимир Ильич в своих мыслях.

Почему именно из этого тома? Только ли потому, что он первым случайно оказался у меня в руках? Не только. Я, если и не прочитал от строки до строки, то просмотрел потом многие тома. Но очень уж интересный и острый период — с марта по июль 1918 года, то есть с пятого по десятый месяц нахождения у власти, с пятого по десятый месяц управления Россией, столь неожиданно для них самих оказавшейся в руках большевиков. Нет, полной неожиданности, конечно, не было. Теоретически они готовились к этой власти и к этому управлению. В статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной еще до Октябрьского переворота, были Владимиром Ильичем Лениным заранее предопределены многие действия и акции, которые в обозреваемый нами период стали осуществляться практически. Выпишем из той, еще предреволюционной статьи главный ленинский тезис, главную мысль.

«Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление, нам этого мало.

Нам этого мало. Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках.

И мы имеем средство для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность».

Значит, схема ясна. Сосредоточить в своих руках весь хлеб, все продукты (учет), а затем распределять эти продукты так, чтобы за хлебную карточку человек, оголодавший и униженный голодом, пошел бы работать на советскую власть и вообще делал все, что прикажут. Гениально и просто, как все у Ленина. Разница с последующей статьей «Очередные задачи советской власти» состоит в том, что в первом случае (до взятия власти, когда только еще мечталось) делался упор на то, что путем голода (путем учета и распределения) будут принуждать работать богатых, чье сопротивление якобы надо сломить, а во втором случае, когда власть уже была взята, зазвучали иные нотки.

«От трудовой повинности в применении к богатым власть должна будет перейти, а вернее одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответствующих принципов (то есть трудовая повинность и принуждение. — **В. С.**) к большинству трудящихся рабочих и крестьян».

Так что же осуществилось в стране: власть рабочих и крестьян или всеобщая трудовая повинность для рабочих и крестьян? А если это так, то чья же власть? Дальнейший абзац о трудовом народе в связи с трудовой повинностью для него поразил меня своим откровением.

«Для нас не представляется безусловной необходимости в том, чтобы регистрировать всех представителей трудового народа, чтобы уследить (!) за их запасами денежных знаков или за их потреблением (кто сколько из них съест. — **В. С.**), потому что все условия жизни обрекают громадное большинство этих разрядов населения (почему бы не сказать классов, а, Владимир Ильич? В том числе и класса, осуществляющего диктатуру? — **В. С.**) на необходимость трудиться и на невозможность скопить какие бы то ни было запасы, кроме самых скудных. Поэтому задача восстановления трудовой повинности в этих областях превращается в задачу установления трудовой дисциплины».

Значит, действительно, с рабочими проще, чем с богатыми. У богатых сначала надо отнять запасы, а потом уж можно их морить голодом. У трудящихся же никаких запасов нет, отсиживаться им не с чем, надо идти трудиться, исполнять трудовую повинность, хотя и опричь души, потому что подчеркнутый насильственный характер будущего труда при советской власти рабочие почувствовали с первых дней. Признает это и Владимир Ильич.

«Целый ряд случаев полного упадка настроения и полного упадка всякой организованности был совершенно неизбежен. Требовать в этом отношении быстрого перехода или надеяться на то, что перемены в этом отношении можно достигнуть несколькими декретами, было бы столь же нелепо, как если бы призывами пытались придать бодрость духа и трудоспособность человеку, которого избили до полусмерти».

Неправда ли — откровенно! Значит, призывами трудоспособность не вернешь. А чем же?

«Для учета производительности и для соблюдения учета необходимо устроить промышленные суды».

Это уже что-то новое! Этого не знали, конечно, при проклятом царском режиме. Если бы при царе ввели вдруг на заводах промышленные суды, представляю себе, на каких фальцетах завопили бы об этом друзья пролетариата и все вообще революционеры. А как бы завопили они, если бы ну, Столыпин, скажем, выступил со следующей тирадой... Но выступил с ней, увы, не Столыпин, а Ленин, когда власть находилась уже у него в руках. Читайте.

«Что же касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходимо карать вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода также может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление и за это должна быть наложена определенная кара».

Вот так. Там, где при царе-батюшке можно просто уволить (а сколько воплей, а то и забастовок было по этому поводу), теперь одного увольнения мало. Теперь — тюрьма. Что и наблюдали мы в исполнение ленинских заветов, особенно в предвоенные годы, когда за двадцатиминутное опоздание на работу люди уходили в лагеря и там гибли.

Но в стране вроде диктатура пролетариата. Как же сочетать, с одной стороны, его диктатуру, а с другой стороны, диктаторство над ним, причем уже не класса, не партии даже, но уже единой воли. А что речь шла о подчинении единому диктатору и единой воле, читаем недвусмысленные ленинские слова.

«Это подчинение может при идеальной сознательности и дисциплине (то есть при полной покорности. — **В. С.**) участников общей работы напоминать больше мягкое руководство дирижера (имеющего право сажать в тюрьму. — **В. С.**). Оно может принимать формы диктаторства, если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Так или иначе беспрекословное подчинение единой воле безусловно необходимо».

«Вся наша задача партии коммунистов встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы (а как же революционная активность масс? — **В. С.**), повести ее по верному пути, по пути трудовой дисцип-

лины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора во время работы».

Ах, как хорошо: помитинговали, пошумели, проявили свою пролетарскую гегемонию, потешили душу — щелкает бич диктатора: по местам!

«Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица — советского руководителя».

Точнее про класс-гегемон, осуществляющий якобы в стране свою диктатуру, уже не скажешь. И вообще словечко «принудительное» является едва ли не самым любимым словечком вождя в тот период.

«Подчинение, и притом беспрекословное, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выбранных или назначенных, снабженных диктаторскими полномочиями...»

«Меры перехода к принудительным текущим счетам или принудительному держанию денег в банках...»

«Осуществление строжайшего и повседневного учета и контроля производства и распределения продуктов...»

«Наше опоздание с введением трудовой повинности показывает еще раз...»

«Принудительное объединение населения в потребительские общества...»

«Через продовольственные отделы советов, через органы снабжения при советах мы объединили бы население (принудительно, как только что мы прочитали. — **В. С.**) в единый пролетарски руководимый кооператив».

В деле принуждения пролетариата (хотя и строился вроде бы социализм) Владимир Ильич Ленин не брезговал обращаться к самым жестоким и драконовским достижениям капитализма.

«Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Учиться работать — эту задачу советская власть должна поставить во всем объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении — система Тейлора... Осуществление социализма определяется именно нашими успехами в сочетании советской власти и советской организации управления (беспрекословного подчинения диктатору, как мы недавно читали. — **В. С.**) с новейшим прогрессом капитализма».

И вообще, капитализм, оказывается, не такое уж страшное слово и понятие.

«Если бы мы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы победой».

«Что такое государственный капитализм при советской власти? В настоящее время осуществлять государственный капитализм — это

значит проводить в жизнь тот учет и контроль, которые капиталистические классы проводили в жизнь».

«Государственный капитализм для нас спасение... Государственный капитализм был бы для нас спасением. Тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и общественное, а нам-то как раз этого и не хватает, потому что в России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая сочувствует уничтожению крупной буржуазии всех стран, но не сочувствует учету, обобществлению и контролю».

«Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет.

К государственному крупному капитализму и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную инстанцию, называемую «народный учет и контроль за производством и распределением продуктов».

«Государственный монопольный капитализм — есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Вот так раз! При такой постановке вопроса нет ничего удивительного, что сколько бы мы ни листали Ленина, сколько бы ни штудировали, нигде мы не можем вычитать: а собственно говоря, что же такое социализм, который собирались построить? «Социализм — это учет»? «Социализм без почты и телеграфа есть пустейшая фраза»? «Кто не работает, тот не ест»? «От каждого по способностям, каждому по труду»? Вот это все и есть пустейшие фразы. И если между государственным капитализмом и социализмом нет ни одной промежуточной ступени, то чем же все-таки отличается социализм от государственного капитализма? Неужели ничем? А если чем, то все-таки чем? Прямых ответов на этот вопрос у Ленина не встречаем.

Про себя же они понимали дело четко и просто. Осуществить полный учет и контроль над каждым граммом и над каждой штукой чего бы то ни было произведенного в стране. Все, что бы ни производилось в стране, держать в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Благодаря такому контролю и распределению держать в подчинении и в трудовой повинности всех без исключения живущих в стране людей, все поголовно население. Чтобы оно подчинялось единой воле как один человек. Вот это и есть, по их мнению, социализм. То есть самая высшая и самая массовая форма рабства.

Но для того, чтобы миллионы людей оказались в материальной зависимости, надо их сначала лишить тех некоторых запасов, которые они, может быть, накопили и которые дадут им возможность чувство-

вать себя независимыми от пайка, от хлебной карточки, от зарплаты. Поэтому, взяв власть, с первых шагов большевики начали стремиться прибирать к рукам каждый рубль, каждую копейку, каждый грамм хлеба.

Крупную буржуазию, фабрикантов и банкиров удалось уничтожить легко. Да их и было немного, можно пересчитать, взять на учет и ограбить. А вот что делать с мелким собственником? Их же десятки миллионов. Мелкие собственники вызывали у Ленина бóльшую ненависть, чем крупные капиталисты, и он об этом откровенно пишет и говорит. Ведь мелкие собственники — это все самодеятельное население России, самодеятельное и поэтому самостоятельное. А как раз и надо было лишить его самостоятельности, подчинить и превратить в механизм, послушный единой воле.

«Не видят мелкобуржуазной стихии как главного врага социализма у нас».

Итак, главный враг социализма — это самодеятельные и самостоятельные люди. Кто же они? Ответ Ленина недвусмыслен.

«Большинство и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители».

«Мелкие буржуи имеют запас деньжонок в несколько тысяч, накопленных «правдами» и особенно «неправдами»...»

Не дают покоя деньжонки в чужих карманах. Ну, а «неправдами» — это, конечно, ввернуто для красного словца. Какими неправдами могло копить деньжонки «громадное большинство земледельцев»? И не мог же он сказать — «все земледельцы», а имел-то в виду всех, ибо что же еще может означать выражение «громадное большинство».

К людям, накопившим деньжонок, можно было бы отнести и различных там валял, златошвеек, кружевниц, шорников, овчинников, кожемяк, сапожников, воскобоев, столяров, плотников, краснодеревщиков, чеканщиков, извозчиков, иконописцев, офень, пильщиков, угольщиков, стеклодувов, кровельщиков, печников — короче говоря, все самодеятельное население России. И все это объединялось общим названием — мелкобуржуазная стихия. Словечко с окраской. Назови «земледелец» — и уже не то.

«Деньги — это свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный (!) слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, прячет его от государства, ни в какой социализм и коммунизм не веря».

«Мелкий буржуа, хранящий тысчонки, враг государственного капитализма, и эти тысчонки он желает реализовать непременно для себя».

Вот ведь какие подлецы, какая темнота и несознательность! Вместо того, чтобы просто отдать денежки государству, прячут и норовят израсходовать на себя. Не выйдет, господа мелкие собственники! Отберем.

Где силой, а где лишив товаров и посадив на сухой хлеб. Через торгсины, не мытьем, так катаньем, но отберем!

Тут и встала перед большевиками главная, главнейшая задача — сосредоточить в своих руках весь хлеб. Это главное средство воздействия, подавления и поощрения, а проще говоря — власти. Началась одна из самых кошмарных и кровавых страниц русской истории под названием — продовольственная диктатура.

Для себя Владимир Ильич твердо знал, что он осуществляет хлебную монополию, то есть сосредотачивает весь хлеб, имеющийся в России, в своих руках. Но для общественного мнения был выкинут жупел, словечко, против которого невозможно, кажется, возразить, коротенькое словечко — голод.

Было сделано так, что два главных города, Петроград и Москву, посадили на голодный паек. Сто граммов хлеба в день. Дикие очереди за этими ста граммами. Ну, а раз голод, значит, надо объявить поход за хлебом, борьбу за хлеб, изъятие хлеба ради голодающих. Дело благородное и чистое как слеза.

Но голод в Москве и Петербурге был инспирирован. Именно в это время Лариса Рейснер, скажем, жила, занимая особняк с прислугой, принимая ванны из шампанского и устраивая званые вечера. Именно в эти годы Зиновьев, приехавший в дни революции из-за границы тощим как пес, разжирел и отъелся так, что его стали звать за глаза «ромовой бабой». Да и как могут голодать два города, если они не блокированы неприятелем, когда во всей остальной стране полно хлеба. Разреши, и тотчас же на всех базарах появятся горы хлеба и разных других продуктов. О том, что голода фактически нет, не раз в эти годы говорил и сам Ленин.

«Сейчас надвигается голод, но мы знаем, что хлеба вполне хватит и без Сибири, Кавказа, Украины. Хлеба имеется достаточное количество до нового урожая в губерниях, окружающих столицу, но он весь запрятан кулаками».

«Недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем по расчетам осторожных специалистов еще теперь до 10 млн. пудов избытка хлеба».

Нет уж, Владимир Ильич, либо голод, либо избыток хлеба, что-нибудь одно. Большевики в это время очень боялись, как бы хлеб стихийно не проник или даже не хлынул в голодные столицы и не сорвал им задуманное мероприятие. Для этого были учреждены на железных дорогах заградительные отряды, которые следили, чтобы ни один мешок хлеба не проник ни в Москву, ни в Петроград.

Заставив рабочих и прочее население этих двух городов изрядно наголодаться, Ленин объявил поход за хлебом, который фактически был нужен не для того, чтобы накормить два города, а чтобы осуществить хлебную монополию.

«Необходим военный (!) поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей монополию».

Поговорка вождя. Для чего же нужен хлеб: накормить Москву с Петроградом или ради монополии? Выпускается декрет о продовольственной диктатуре.

«Вести и провести беспощадную, террористическую (!) борьбу и войну (!) против крестьянской и иной (?) буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба.

Точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются врагами народа и подвергаются заключению в тюрьму на срок не ниже десяти лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины».

«Военный комиссариат превратить в военно-продовольственный комиссариат.

Мобилизовать армию, выделив ее здоровые части, и призвать девятнадцатилетних для систематических военных действий (!) по завоеванию, сбору и свозу хлеба.

Ввести расстрел за недисциплину.

Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба».

«Задачей борьбы с голодом является не только выкачивание (!) хлеба из хлебородных местностей, но ссыпка и сбор в государственные запасы всех до конца излишков хлеба, а равно и всяких продовольственных продуктов вообще. Не добившись этого, нельзя обеспечить решительно никаких социалистических преобразований».

Вот зачем понадобился российский хлебушек, а вовсе не для того, чтобы ликвидировать голод в Москве и Петрограде. И сдается мне, что кроме главной задачи — сосредоточить в своих руках все продукты, чтобы управлять и властвовать, продовольственная диктатура имела и побочную цель.

Ведь советская власть только еще начинала действовать, и положение ее было весьма и весьма неустойчиво. Об этом свидетельствует сам Владимир Ильич. Судите сами. Вся мелкая буржуазия, как мы недавно читали, то есть все самостоятельное, самодеятельное население России против социализма. В речи перед группой передовых учителей Ленин сделал и другое откровенное заявление.

«Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широких учительских массах только еще начинается».

Но если мелкие собственники, интеллигенты и даже широкие массы учителей — все против, то кто же за?

«Мы можем рассчитывать только на сознательных рабочих. Остальная масса, буржуазия и мелкие хозяйства против нас», — признается Владимир Ильич и уточняет:

«Мы знаем, как невелики в России слои передовых и сознательных рабочих».

Предельная ясность. Захватившие власть опирались на явное меньшинство, на одураченных рабочих, которых называли сознательными. Но ведь и эта небольшая часть сознательных рабочих могла одуматься через месяц-другой.

Действительно, вдруг одумаются да соединятся с крестьянами, как они соединены в фиктивной формуле о рабоче-крестьянской власти? Совсем нелишне было бы озлобить их друг против друга, столкнуть и разобщить. Инспирированный голод и крестовый поход за хлебом мог бы решить и эту проблему.

«Нужен крестовый поход *рабочих* (выделено нами. — **В. С.**) против дезорганизаторов и против укрывателей хлеба».

Значит, регулярной армии уже мало? Наряду с армией были брошены продотряды, составленные из рабочих Москвы и Петрограда. Не в том могло быть дело, что одной армии мало, а в том, чтобы вот именно столкнуть рабочих и крестьян. Это более вероятно. Надо представить себе все это, как приходят к рабочим агитаторы в кожаных куртках и внушают им, что голодают рабочие (и их семьи, детишки) исключительно по вине крестьян, прячущих хлеб. Какой ненавистью разгораются сердца рабочих. С какой яростью идут они в продотряды, чтобы насильно отнимать хлеб (а там тоже детишки), и какую ненависть со стороны крестьян вызывали эти насильственные действия.

«Каждая фабрика дает по одному человеку на каждые двадцать пять рабочих: запись изъявивших желание поступить в продовольственную армию производится фабрично-заводским комитетом, который составляет поименный список мобилизованных в двух экземплярах... Реквизиция хлеба у кулаков — не грабеж, а революционный долг перед рабоче-крестьянскими (?) массами, борющимися за социализм».

«Сознательным отрядам СНК будет оказывать самую широкую помощь как деньгами, так и оружием».

Измученные инспирированным голодом и науськанные на мужиков, рабочие действовали с озверением, вызывающим встречное озверение. Не отставали и проинструктированные соответствующим образом отряды красноармейцев, преимущественно латышских стрелков.

«Мы знаем, что хлеб есть даже в губерниях, окружающих центр. И этот хлеб нужно взять. Отряды красноармейцев уходят из центра с самыми лучшими стремлениями (?), но иногда, прибыв на места, они поддаются соблазну грабежа и пьянства».

Это отряды-то красноармейцев? Регулярные воинские части с комиссарами во главе? По-видимому, на пьянство надо было свалить те дикие зверства, которые совершали продотряды тогда в деревне. Дальше, не отказываясь от этого зверства и так и называя его своим именем, Владимир Ильич пытается оправдать его в глазах общественного мнения:

«В этом виновата четырехлетняя бойня, которая на долгое время посадила людей в окопы и заставила их, озверев, избивать друг друга. Озверение это наблюдается во всех странах (?). Пройдут годы, пока люди перестанут быть зверями и примут человеческий образ».

Но жутью на меня повеяло даже не от этих слов об очевидных зверствах, которые нельзя было не признать даже вождю, а от одного ленинского пунктика из «Тезисов по текущему моменту».

Это пунктик одиннадцатый.

«В случае, если признаки разложения отрядов будут угрожающе частые, возвращать, то есть сменять «заболевшие» отряды через месяц на место, откуда они будут отправлены для отчета и «лечения».

Понимаете ли вы, мой читатель, о каком заболевании и о каком лечении тут идет речь?

А речь тут идет о том, что не каждое русское сердце могло все же выдержать, глядя на бесчинства и кровавые зверства, которые прокатились тогда по деревням всей России. Видимо, некоторые люди в продотрядах проникались сочувствием к ограбленным и обрекаемым на голод крестьянам. Отряды, в которых заводились такие люди, и считались «заболевшими». И отправлялись, откуда были посланы, «для отчета и «лечения». Нетрудно догадаться о методах лечения и о лекарствах, которые их ждали.

Теперь остается сказать главное о продовольственной диктатуре, а именно сказать о том, на кого она распространялась. Владимир Ильич все время апеллирует понятиями «кулаки», «деревенская буржуазия», но в одном месте он все же проговорился и таким образом поставил все точки над «i». Речь пойдет о русском крестьянине, которому никто никогда не отказывал ни в уме, ни в смекалке, ни в живости характера, ни в чувстве собственного достоинства. Это о нем говорил аристократ Пушкин: «Посмотрите на русских крестьян, разве они похожи на рабов?» Это о русской крестьянке говорит Некрасов: «Есть женщины в русских селеньях... Посмотрит — рублем подарит... Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Какие же слова нашел о русском крестьянине великий вождь всех трудящихся? Нам важно сейчас и это, но главным образом то, что Владимир Ильич откровенно наконец-то, единственный раз проговорился, против кого была направлена диктатура. Никаких кулаков, никакой деревенской буржуазии, все четко и ясно названо своим именем.

«Легко сказать, хлебная монополия, но надо подумать о том, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству. Это значит, что ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина (а кто это решает? — В. С.), не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен для посева, — что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен.

Откуда взять сознание крестьянину, которого сотни лет отупляли, которого грабили (но так еще никогда! — В. С.), заколачивали до тупоумия помещики и капиталисты, не давая ему никогда наесться досыта (а вот теперь решили накормить! — В. С.),— откуда ему взять сознание того, что такое хлебная монополия; откуда может взяться у десятков миллионов людей (не в кулаках, значит, дело! — В. С.), которых до сих пор питало государство только угнетением, только насилием, только чиновничьим разбоем и грабежом (да все же не бросало против него регулярных продовольственных армий! — В. С.), откуда взять понятие того, что такое рабоче-крестьянская власть (да уж! — В. С.), что хлеб, который является избыточным (и который во всем мире продается — В. С.) и не перешедшим в руки государства, если он остается в руках владельца, так тот, кто его удерживает,— разбойник, эксплуататор, виновник мучительного голода рабочих Питера и Москвы? Откуда ему знать, когда его до сих пор держали в невежестве, когда в деревне его дело было только продавать хлеб, откуда ему взять это сознание?!

...Если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что может быть, что если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по шесть рублей, а дороже, такой крестьянин превращается в эксплуататора, хуже разбойника».

Вот теперь все по-ленински ясно. Все крестьяне, которые трудом вырастили хлеб и хотели бы его продавать, а не отдавать бесплатно,— все они разбойники. Не те разбойники, оказывается, кто с оружием в руках пришел в деревню отнимать хлеб, а те разбойники, кто не хочет его бесплатно отдать.

Но самое страшное во всей истории то, что продовольственная диктатура, как бы жестока и бесчеловечна она ни была, все же не являлась самоцелью, но являлась лишь изощренным средством к более отдаленным и более обширным целям держать в руках весь хлеб и распределять его по своему усмотрению.

«Потому что, распределяя его, мы будем господствовать над всеми областями труда».

Точнее и короче, чем это сказал Ленин, сказать ничего нельзя.

И вот я думаю, ради чего, ради каких конечных целей, ради каких конечных звеньев, если размотать всю цепочку, это все делалось? Большевики завоевали Россию. Сошлемся опять на Ленина.

«Большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы и только теперь, по истечении более чем четырех месяцев со времени октябрьской революции, приходящее к концу. В настоящее время задача преодоления и подавления сопротивления в России окон-

чена в своих главных чертах. РОССИЯ ЗАВОЕВАНА БОЛЬШЕВИКАМИ».

Когда одна страна завоевывает другую, когда и Российская империя завоевывала Среднюю Азию, как там ее ни осуждай, ясна была цель, которой не скрывали и сами завоеватели. Многие манифесты (или какие там воззвания) так и начинались: «Стремясь к дальнейшему расширению пределов Российской империи...»

Итак, когда одна страна завоевывает другую и устанавливает там жестокий оккупационный режим, дабы подавить сопротивление населения и удержать эту завоеванную страну под своей властью, там преследуется хоть и неблаговидная, но понятная цель: присоединить к метрополии завоеванную страну.

Но вот Россию завоевала группа, кучка людей. Эти люди тотчас ввели в стране жесточайший оккупационный режим, какого ни в какие века не знала история человечества. Этот режим они ввели, чтобы удержаться у власти. Подавлять все и вся и удержаться у власти. Они видели, что практически все население против них, кроме узкого слоя «передовых» рабочих, то есть нескольких десятых процента населения России, и все же давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали как могли, чтобы удержать эту страну в своих руках. Зачем? Ради чего? С какой целью? Ради того, чтобы осуществить в завоеванной стране свои политические принципы. Всеобщий учет и контроль производимых продуктов, государственную монополию на все виды товаров и их распределение по своему усмотрению. И это было бы полбеды. Но из углубленного прочтения Ленина узнаем, что эти учет и распределение в свою очередь являются средством, а не целью. Средством к тому, чтобы осуществить всеобщую трудовую повинность в стране, то есть заставить людей принудительно трудиться, заставить их подчиняться воле одного человека, руководителя, диктатора, то есть средством к тому, чтобы все население страны превратить в единый послушный механизм.

«Организация учета, превращение всего государственного механизма в единую крупную машину, в хозяйственную организацию, работающую так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи».

Но тогда возникает вопрос — зачем? Хорошо, допустим, что у Ленина это объяснено.

«Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах и в конце концов, какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были суждены, всемирная социалистическая революция придет».

«Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран».

«А пока там на западе революция зреет, хотя она зреет теперь быстрее, чем вчера, наша задача только такая: мы, являющиеся отрядом, оказавшимся впереди, вопреки нашей слабости должны делать все, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях, остаться на своем посту как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному пережидать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

«Мы не знаем, никто не знает, может быть,— это вполне возможно — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, и когда она начнется, нас не будут мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие».

Итак, допустим, что с недели на неделю ждали мировую революцию и тогда надеялись триумфальным шествием пройти по всему миру, хотя это предположение говорит больше не о гениальности, а о слепоте и фанатизме. Но опять возникает вопрос: ради чего, зачем и что принести всем народам? Да то же самое: всеобщий учет, контроль за распределением продуктов. Всеобщую трудовую повинность. Подчинение миллионов (а тогда уже миллиардов бы) людей единому плану, единой воле, единому руководителю с диктаторскими полномочиями. Зачем? Ради чего? Зачем живых, инициативных, самодеятельных людей превращать в единый, послушный, но зато безмозглый государственный механизм, весь подчиняющийся нажатию одной кнопки?

Допустим, что — банальная идея мирового господства, осуществленная не путем походов Юлия Цезаря, Александра Македонского или Наполеона, но путем хитрой отмычки так называемой классовой борьбы и натравливания в каждой стране одной части населения на другую. («Речь идет не о нашей борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой».— Ленин.) Допустим, что банальная идея мирового господства. Но для кого? Чье господство? Желание римского императора господствовать над миром чудовищно, но понятно так же, как любой другой могущественной нации. Но здесь-то чье господство? Неужели только свое? Или своей группы? Но ведь остается пять-шесть лет жизни... Ну пусть Сталин потом господствовал тридцать лет, но все равно, неужели ради этого надо потрошить народы, истреблять физически лучшую часть каждого народа, морить его голодом, держать в тюрьмах и лагерях, загонять в колхозы, лишив земли, лишив заинтересованности в труде, не говоря уже о поэзии труда, о его радостях, хотя и сопряженных с тяжестью. Труд есть труд. Всякий труд тяжек и связан с потом. Но все же, когда он — трудовая повинность, он тяжек стократ.

А еще удивляюсь, как им, если бы даже и с благими (как им, может, казалось) целями, как им не жалко было пускать на распыл, а фактически убить и сожрать на перепутье к своим высоким всемирным целям такую страну, какой была Россия, и такой народ, каким был русский

народ? Может быть, и можно потом восстановить храмы и дворцы, вырастить леса, очистить реки, можно не пожалеть даже об опустошенных выедѐнных недрах, но невозможно восстановить уничтоженный генетический фонд народа, который только еще приходил в движение, только еще начинал раскрывать свои резервы, только еще расцветал. Никто и никогда не вернет народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые рвы, куда положили десятки миллионов лучших по выбору, по генетическому именно отбору россиян. Чем больше будет проходить времени, тем больше будет сказываться на отечественной культуре зияющая брешь, эти перерубленные национальные корни, тем сильнее будет зарастать и захламляться отечественная нива мелкотравчатой шушерой вместо поднебесных гигантов, о возможном росте и характере которых мы теперь не можем и гадать, потому что они не прорастут и не вырастут никогда, они погублены даже и не в зародышах, а в поколениях, которые бы еще только предшествовали им. Но вот не будут предшествовать, ибо убиты, расстреляны, уморены голодом, закопаны в землю.

Гены уходят в землю, и через два-три десятилетия не рождаются и не формируются новые Толстые, Мусоргские, Пушкины, Гоголи, Тургеневы, Аксаковы, Крыловы, Тютчевы, Феты, Пироговы, Некрасовы, Бородины, Римские-Корсаковы, Гумилевы, Цветаевы, Рахманиновы, Неждановы, Вернадские, Суриковы, Третьяковы, Нахимовы, Яблочкины, Тимирязевы, Докучаевы, Поленовы, Лобачевские, Станиславские и десятки и сотни им подобных. Списки можете продолжать сами...

Простое порабощение лишает народ цветения, полнокровного роста и духовной жизни в настоящее время. Геноцид, особенно такой тотальный, какой проводился в течение целых десятилетий в России, лишает народ цветения, полнокровной жизни и духовного роста в будущем, а особенно в отдаленном. Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской социалистической революцией.

РАССТАВАНИЕ С «БОГОМ»

Беседа на страницах «Огонька», № 51 за 1990 год

Некоторое время назад за рубежом и у нас в стране был опубликован очерк писателя В. Солоухина «Читая Ленина», в котором излагался несколько иной, нежели это обычно принято, взгляд на личность «вождя революции» и его роль в истории.

Разговор на эту тему продолжают автор очерка Владимир Солоухин и публицист Олег Мороз.

О. МОРОЗ. — Какова история этой вашей вещи? Предлагали ли вы кому-либо ее опубликовать (кроме журнала «Родина», где она была напечатана в десятом номере за 1989 год с критическим комментарием историков)? Как к этому отнеслись?

В. СОЛОУХИН. — История такова. Происходило постепенное «размораживание» тех участков мозга, которые заведуют социальным и национальным самосознанием. В 60-е годы этот процесс у меня, по-видимому, завершился. В 1976 году я закончил объемистую книгу об этом процессе, то есть о том, как я из слепого котенка стал зрячим человеком. В осознании действительности я шел последовательно, логически, по ступеням. Поэтому и рукопись в полном виде называется «Последняя ступень». Естественно, в такой книге нельзя было обойти роль В. И. Ленина в разрушении Российского государства и в создании на его месте того, что мы имеем сейчас. Одна глава целиком посвящена его учению о власти и о практическом воплощении этого учения в жизнь.

Об опубликовании этой рукописи в те годы нечего было и думать, даже хранить ее было опасно. Но я, человек легкомысленный и беспечный, в конспираторы не гожусь. Я давал читать ее некоторым друзьям и коллегам. Кроме того (мало ли что!), она хранилась в нескольких разных местах. Фрагмент о Ленине я решился опубликовать отдельно от всей рукописи не столько для того, чтобы, как говорится, «застолбить» тему, сколько потому, что настала пора говорить правду об этом человеке и должен был кто-то начать.

О. М. — Из писателей не Солженицын ли первый начал этот разговор — в разных своих произведениях, а пуще всего в работе «Ленин в Цюрихе»? Полагаю, резкое неприятие мирового вождя и было одной из причин, почему вермонтскому изгнаннику так долго не возвращали отнятое гражданство.

В. С. — Насчет «застолбления» темы я сказал не подумав. Солженицын, конечно, был первее. Но ошибочное ощущение приоритета могло возникнуть потому, что у Александра Исаевича Ленин все еще дореволюционный, так сказать, теоретический. Ленин у него еще только сидит в цюрихской библиотеке, а не стоит посреди России по колено в крови.

О. М. — Читая вашу брошюру, ощущаешь потребность задать вам кое-какие вопросы. Вы всегда так плохо относились к Ильичу? Какая отметка у вас была по основам марксизма-ленинизма (или как тогда это называлось?) в Литинституте?

В. С. — Конечно, в школьном возрасте я почти религиозно устраивал в доме «Ленинский уголок», расклеивая фотографии Ленина, начиная с кудрявенького херувимчика, через гимназиста, кончая изображением (не фотографическим, а рисованным), где он стоит на брусчатке, словно, если прищуриться, на бесчисленных черепах. Есть такая картина, но я ее давно нигде не встречал. Тогда эти камни мне черепами еще не казались.

С четырехлетнего возраста я умел декламировать, и вот 21 января в помещении школы на вечере памяти Ленина меня поставили на стул, привернули огонь в керосиновой лампе, чтобы меньше стеснялся, и я орал:

Тираны мира, трепещите,
Не умер Ленин. Ленин жив.
Вы нас, вы нас не победите,
Живет в нас ленинский порыв.

Не знаю, право, чьи это были стихи, но, судя по бездарности, скорее всего Безыменского или около.

В институте же Ленина, в строгом смысле слова, не изучали. Крутились около «Материализма и эмпириокритицизма», работы чисто теоретической, неудобовоспринимаемой, не имеющей никакого отношения к последующим деяниям Ленина, когда он со своими сообщниками (извините, с соратниками) захватил власть в огромной, многонаселенной, не принявшей этой власти стране. Не принявшей настолько, что пришлось истребить более трети ее населения.

О. М. — Отдаете ли вы себе все же отчет, что сейчас, перед нашими сегодняшними читателями, ниспровергать Ленина — это почти то же самое, что ниспровергать Христа перед христианами? Занятие сомнительное во всех отношениях. Люди привыкли верить: Ленин — бог. И ничего другого слышать не хотят.

В. С. — Параллель с Христом неправомочна. Можно критиковать церковь (что и делал, скажем, Л. Н. Толстой), можно разрушать храмы, жечь иконы и книги, можно путем многолетней пропаганды сделать многих людей индифферентными к религии, либо и вовсе атеистами, но нельзя ниспровергнуть Христа, потому что он не совершил ни одного компрометирующего поступка либо поступка, расходящегося с его словами.

В самом деле, он учил любви к ближнему, проповедовал: «Не убий», «Не укради» и т. д. Вот если бы он вопреки своему учению убивал, отнимал у людей последний кусок хлеба, развратничал, растлевал малолетних, если бы мы уличили его во всем этом, это было бы ниспровержение.

О. М. — Я ведь не провожу параллель между Лениным и Христом, я сравниваю отношение к Ленину с отношением к богу. Тут много общего. Как много общего между марксистской верой и религиозной.

В. С. — Что касается вашего утверждения «Люди привыкли верить: Ленин — бог», то можно возразить и на это.

Во-первых, Сталина к концу его жизни многие считали не меньшим богом, а что от этого бога осталось? Тут действительно произошло ниспровержение «бога», вернее, его разоблачение. Хотя он был не более чем верным ленинцем и был вовсе не более жесток, чем его учитель.

К тому же он значительно дольше властвовал, не пять лет, а тридцать. Впрочем, думаю, что за пять лет, с 1917-го по 1922-й,— начало болезни Ильича — людей было истреблено не меньше, чем в 30-е годы.

Во-вторых, напрасно вы думаете, что сейчас все люди считают Ленина богом. На мою брошюру, а в особенности на выступление в программе «Взгляд», много откликов. В восьми случаях из десяти восклицают: «Наконец-то осмелились говорить правду о Ленине!» — и лишь в двух случаях протестуют: «На кого вы поднимаете руку?!», «Это же святая святых!» «Вы хотите отнять у нас последнюю опору. С чем же мы останемся». И не единого аргумента, ни одного возражения по существу, кроме самого наивного и смешного: «Если бы не Ленин (то есть если бы, надо понимать не Октябрьская революция), мы до сих пор ходили бы в лаптях и землю ковыряли сохой». Но разве же это аргумент?

Россия в 1913 году не ходила в лаптях и не ковыряла землю сохой. Россия ходила в сапогах, в поддевках, а женщины — в сапожках с высокой шнуровкой. Есенин нашивал цилиндр и бабочку, а Шаляпин — бобровую (либо енотовую) шубу.

О. М. — Думаю, это слабое место в цепочке ваших рассуждений. Россия, конечно, жила не так плохо, как принято было о том бубнить после октября 1917-го, но Есенин и Шаляпин не доказательство народного благополучия. Немало и сегодня таких, кто по своим доходам мог бы носить енотовые шубы. Вот только еноты перевелись.

В. С. — Я хотел сказать, что Россия во всех отношениях жила наравне с веком. И плуги были современные, и были конные молотилки, триеры, веялки. И царские ледоколы, переименованные в «красиных», долго еще служили Советской власти. И царские линкоры, переименованные в «маратов» и в «парижские коммуны», долго еще состояли на вооружении СССР. И самый большой в мире самолет «Илья Муромец» взлетел с российской земли. И были протянуты уже основные нитки железных дорог, и Россия продавала хлеб и масло, а не покупала. И были еще не проданы за бесценок зарубежным дельцам сотни (если не тысячи) уникальных работ из Эрмитажа, и не было еще разорено, большей частью — снесено в одной только Москве 450 храмов (а по стране, говорят, не меньше 90%), и не были еще сброшены по всей стране колокола, и зарплату в России выдавали золотыми монетами, и шумело в стране 18000 ежегодных ярмарок: в Покров, в Петров день, в Успеньев день, на Троицу...

Некрасов — поэт тенденциозный, его нельзя заподозрить в приукрашивании действительности. Но ведь это же его слова: «Ой, полна, полна коробушка, есть и ситцы и парча» (кстати, недавно в газете была статья под названием «Где же ситец и парча?»). И еще: «Ситцы есть у нас богатые, есть миткаль, кумач и плис... Есть у нас мыла пахучие по две гривны за кусок, есть румяна нелинючие, молодись за пятачок». А вот и ярмарка: «Пришли на площадь странники, товару много всякого. Штаны

на парнях плисовы, жилетки полосатые, рубахи всех цветов. На бабах платья красные, у девок косы с лентами, лебедками плывут...»

Конечно, Некрасов сравнил русскую песню со стоном («этот стон у нас песней зовется»), но он же и пишет: «Вдруг песня хором грянула, удалая, согласная... Притихла вся дороженька, одна та песня складная широко, вольно катится, как рожь под ветром стелется...» Не похоже что-то на стон.

И, наконец, образ русской крестьянки:

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде.
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде.

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди.
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди.

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

Зачем же нужно было уничтожать такую страну и такое крестьянство? Когда нам хотят доказать, что крестьянство в России бедствовало, что Россия была нищей страной, то хочется спросить: откуда же взялись шесть миллионов (или сколько их там было?) зажиточных хозяйств для раскулачивания? Если в стране 6000000 богатых хозяйств, то можно ли ее называть нищей?

Но если бы даже допустить, что вся Россия к 1917 году ходила в лаптях и ковыряла землю сохой, то разве это не вздор считать, что за 73 года страна не ушла бы вперед?

Возьмите только одну российскую губернию (отнюдь не из самых богатых), я имею в виду Финляндию, которая оказалась вне СССР. Она что же, в лаптях ходит и землю ковыряет сохой? Сравните-ка ее по развитию и уровню жизни с соседними Карелией, Ленинградской, Архангельской областями.

Напротив, всюду, где насаждалась социалистическая система, резко падал уровень жизни, начиналось «преодоление трудностей», «пережитков», слабела экономика, хирело земледелие, костенели мозги. Так бы-

ло в Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше... Особенно это заметно там, где одна страна оказывалась разделенной на две. Вспомним про «Тайваньское чудо». В ФРГ жизненный уровень оказался в несколько раз выше, чем в ГДР, то же самое и в Южной Корее — выше, нежели в Северной. Куба — единственная страна в регионе, живущая по карточкам. И это несмотря на то, что СССР тратит на Кубу многие миллионы долларов.

О. М. — Ваши оппоненты-историки в журнале «Родина» привычно доказывают, как тяжело жилось народу перед семнадцатым годом. Цитируют солдатские письма с фронта, один из солдат негодует на купца Онуфрия, который не дает крупы его бабе... Привычные доказательства, но и привычная логическая подмена: из того, что плохо жилось народу (война!), вовсе не следовало, что именно Ленина и большевиков ждала Россия. Выборы в Учредительное собрание уже после захвата большевиками власти ясно показали, что вовсе не их она ждала. Все последующие десятилетия подтвердили, что отрицательное отношение большинства народа к большевикам было вполне оправданным. О том же, я думаю, говорят и приводимые вами в очерке «Читая Ленина» ленинские цитаты: ничего хорошего и не следовало ожидать...

В. С. — Никто не задумывается, откуда они свалились на российскую голову, почему, по какому праву оказались у власти, по какому праву развязали чудовищный террор, а затем и гражданскую войну. Теперь, когда мы все заговорили о правовом государстве, уже можно спросить самих себя: по какому праву они оказались у власти?

Почувствовав, что в России из-за войны и Февральской революции создалась благоприятная обстановка (а это вздор, что война проигрывалась, ведь союзники и без России победили Германию, почему же, спрашивается, они не победили бы ее вместе с Россией?), революционеры-экстремисты, приехав из эмиграции с огромными германскими деньгами и воспользовавшись слабостью Временного правительства, а возможно, и потаканием (Керенский, например, к 25 октября вывел из Петрограда все войска), они сумели арестовать Временное правительство и таким образом захватили власть. Их кто-нибудь выбирал? Их кто-нибудь уполномочивал властвовать в стране?

Заседало выбранное демократическим путем Учредительное собрание. Оно-то и должно было ВЫБРАТЬ законное российское правительство. Но большевики это собрание разогнали.

Что они умели хорошо делать, это в нужный момент выбросить нужный лозунг, на который «клевали» массы. Но ведь ни один лозунг, провозглашенный Лениным, не был претворен в жизнь. «Мир хижинам»? Но война для всего мира закончилась в 1918 году (Версальский мир), а у нас хижины пылали и обливались кровью еще четыре года. «Земля крестьянам»? Но мы знаем теперь, как крестьяне владеют землей. «Фабрики рабочим»? Смешно говорить. «Вся власть Советам»? Но

власть с самого начала принадлежала вовсе не Советам, а Политбюро и ЦК. А короче говоря, Ленину и его сообщникам.

О. М. — Вообще-то вы стали на скользкий путь — спорить о ленинских текстах. Дело это совсем безнадежное: на всякую цитату находится контрцитата. Вот и сидят спорящие с козырями-цитатами на руках, хлопают ими поочередно по столу. Схоластическое занятие. Надо все-таки соразмерять цитаты с делами...

В. С. — Именно. Спорить о ленинских цитатах не только трудно, но не нужно. Ведь начиная с 1917 года теоретические положения кончились, начались дела. Миллионы расстрелянных — это уже не цитата, а дело. Зверски уничтожена царская семья, население посажено на голодный паек, разруха, насильственное изъятие церковных ценностей, сопровождавшееся массовыми расстрелами, заложники во всех городах с последующими неизбежными расстрелами, полное и неоднократное изъятие хлеба у крестьян, голод, людоедство, тиф, гражданская война, разбазаривание национальных ценностей, катастрофическое падение жизненного уровня — это все уже, увы, не цитаты. Ну, а какие «контрцитаты» можно выдвинуть против следующих распоряжений вождя:

В Нижегородский Совдеп... 9.VIII. 18.

«В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов..., навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров... Ни минуты промедления... Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных...

Ваш Ленин».

«Пенза Губисполком

Копия Евгении Богдановне Бош

Необходимо... провести беспощадный массовый террор... Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию (карательную.— **В. С.**) пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении. Предсовнаркома Ленин». 9.VIII. 1918.

«12. VIII. 1918

Пенза Губисполком, Бош.

Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба...»

Телеграмму в Саратов Пайкесу:

«...Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». 22.VIII. 1918.

Сталину в Царицын:

«...Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще». «Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов...». 7. VII. 18.

Шляпникову в Астрахань:

«Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили». 12. XII. 1918.

«Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околокадетской публики... Преступно не арестовывать ее». 18.IX.1919.

Совсем недавно было опубликовано письмо Ленина с директивой Политбюро об изъятии церковных ценностей и о способах проведения этого изъятия. Не напрасно это письмо все эти десятилетия хранилось в строжайшем секрете. Письмо страшное, даже чудовищное. Только не нужно, читая все эти тексты, принимать за чистую монету определяющие словечки: «спекулянты», «истеричные авантюристы», «заговорщики», «колеблющиеся», «ненадежные»... Восстание — кулацкое (в пяти волостях. — **В. С.**), духовенство — реакционное, жители Шуи — черносотенцы и т. д. Ведь если назвать восстание просто крестьянским (а именно крестьянские восстания и были), то как же давить и расстреливать. Если сказать просто «духовенство» — это одно, а «реакционное» — это уже другое. И вот фраза: «чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам... расстрелять, тем лучше». Грубая схема всего этого нам знакома: если за нас — отряд, партизаны, если против нас — банда. Ведь и тамбовское восстание, хотя в нем участвовали десятки тысяч крестьян, не называется иначе как кулацким, а повстанцы не иначе как бандитами. А подавляла это восстание регулярная армия под командованием Тухачевского, из которого пытаются теперь сделать мученика.

И — самое главное — не нужно говорить в оправдание кровавого, людоедского террора, что он был вызван обстановкой, что этого требовала обстановка, что это была не просто жестокость, но революционная жестокость, жестокость для блага народа, что это были вынужденные меры.

Обстановка не с неба свалилась. Она была создана насильственным захватом власти, страны. Не было бы захвата власти — не было бы и обстановки. Это все равно, что поджечь дом, а потом все списывать на пожар. А что касается «благ народа», то теперь, когда народ (народы) на протяжении семидесяти лет вкушают эти блага, мы можем их уже оценить по достоинству.

О. М. — Но все же откуда-то взялся же образ мягкого, доброго, гуманного человека, вождя... Возьмите стихотворение Твардовского «Ленин и печник». У Маяковского: «Он к товарищу милел людскою лаской». Даже у Есенина: «Одно в убийстве он любил — перепелиную охоту». Рассказывают, что Ленин часовому, стоящему у его дверей, вынес стул. Вспоминается чья-то строчка: «С хитрым взглядом лучистый старик...»

В. С. — Насчет хитрого взгляда спорить не буду. Образ доброго и «лучистого» старика создан искусственно всеми средствами пропаганды и агитации, включая все виды искусств.

Конечно, сам Ленин лично никого не расстрелял, но ему, по моему глубокому убеждению, была свойственна не только революционная жестокость, но и личная агрессивность. Приведу два примера из воспоминаний очевидцев.

Все мы знаем деда Мазая и то, как он спасал зайцев, застигнутых половодьем, как он собирал их в лодку, а потом выпускал на сухом месте. Но вот женщина в своих воспоминаниях рассказывает, как охотился ее муж. На маленьком островке спасались застигнутые шугой, ледяным крошевом, зайцы. Охотник сумел добраться в лодке до островка и прикладом набил столько зайцев, что лодка наполнилась тушками по самые борта. Способность испытывать охотничье удовольствие от убийства попавших в беду зверьков нисколько не удивила автора воспоминаний. Женщина эта — Н. К. Крупская, а дело происходило в Шушенском. Читайте эти воспоминания, неоднократно переиздававшиеся, и сравните поступок «охотника» с дедом Мазаем.

О. М. — Странно, что этих зайцев, бросающих тень на светлый образ вождя, не изъяли и не засекретили. Это ведь обычная манера служителей его культа — не зря к фонду Ленина в Центральном партархиве на пушечный выстрел не подпускают. Как еще удалось вытащить на свет Божий то циничнейшее письмо насчет разграбления церквей и бессчетных расстрелов духовенства?

В. С. — А вот и еще эпизод, связанный, правда, не с убийством, но все же. Вспоминает комендант Кремля П. Мальков...

«Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравил с праздником, а потом внезапно шутливо погрозил пальцем.

— Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уже не хорошо. — И указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно, — говорю, — Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как товарищи? — обратился Ильич к окружающим. Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич.

Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал распоряжаться Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду».

«Владимир Ильич, — продолжает комендант Кремля Мальков, — вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, всяким прославленным при царе генералам (надо ли относить сюда прославившихся при царях Суворова, Кутузова, Багратиона, Нахимова, Скобелева, Брусилова и т. д.? — **В. С.**)... По предложению Владимира Ильича в 1918 году в Москве были снесены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле храма Христа Спасителя, генералу Скобелеву... Мы снесем весь этот хлам, заявлял он, и воздвигнем в Москве и других городах Советской России памятники Марксу, Энгельсу, Марату, Робеспьеру, героям Парижской Коммуны!..»

О. М. — А вот теперь сшибают памятники самому Ильичу. Своими глазами видел недавно в литовском городе Шяуляе, в других местах. И не доходят слова о некультурности и вандализме — сами-то большевики тем же самым занимались, да в несравнимо больших масштабах. А царская семья...

В. С. — Что касается царской семьи, то читаем в книге «Лев Троцкий. Дневники и письма»: Троцкий вернулся из какой-то поездки и разговаривает со Свердловым.

«— Да, а царь где?

— Конечно, расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Вся?

— Вся. А что?

— А кто решал?

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени...»

Им — это значит, людям, населению, народу.

Нужно сказать, что действия Ленина трезво оценивались современниками событий, так сказать, по горячим следам.

Кропоткин:

«Ваши действия совершенно недостойны идеалов, которые вы проповедуете. Какая должна быть будущность коммунизма, если уж один из его важнейших поборников топчет... любое честное чувство людей... Русская революция творит мерзости и внушает отвращение. Она разрушает всю страну. В своем безрассудном бешенстве она уничтожает людей».

Патриарх Тихон, 7 ноября 1918 года:

«Кровь наших братьев, безжалостно убиенных по твоему приказу, образует реки и вопиет к небу... Безразлично, каким бы именем ты свои злодеяния ни приукрашивал, — убийство, насилие, грабеж всегда остаются грехами, они — преступления, которые кричат о мщении. Ты обещал свободу — свобода есть великое благо, если ее правильно понимать как свободу от зла и свободу от угнетения. Ты, однако, не дал нам этой свободы. Ты использовал свою власть для преследования твоих ближних и для уничтожения невиновных. Вот истина: ты дал народу камни вместо хлеба и змею вместо рыбы. Слова пророков сбылись: «Ваши ноги шагают ко злу, и они спешат, чтобы пролить неповинную кровь; ваши идеи несправедливы, ваша дорога ведет к гибели и вреду...»

И, наконец, Максим Горький (ноябрь 1917 года):

«Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт... Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею не менее кровавая и мрачная реакция».

О. М. — В своей брошюре вы разбираете некоторые ленинские публикации из тома 36 ПСС. Это период с марта по июль 1918 года, «с пятого по десятый месяц нахождения у власти, с пятого по десятый месяц управления» Россией, столь неожиданно для них самих оказавшейся в руках большевиков. Мало у каких цитат вы указываете страницы, так что читатель не всегда сможет их разыскать и вынести собственное суждение о них (прочтя их в общем контексте статьи).

В. С. — Может быть, если подходить строго научно, я и допустил кое-где неточность. Но я ведь не научный работник, а литератор. Я видел своей задачей проследить образ мыслей Ленина. И образ мыслей его был именно таков — таковы были и действия.

О. М. — Спорящие с вами историки вам напоминают, что хлебная монополия, продразверстка, продотряды, трудовая повинность и прочее были изобретены не большевиками — они применялись еще при царе и Временном правительстве. Историки забывают лишь малое: применение это было временное, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, войной. В запасе и у царского, и у Временного правительства была нормальная рыночная экономика. Как только чрезвычайные обстоятельства кончились бы, эта экономика заработала бы в полную силу, и в таких трудовых повинностях и продотрядах нужды бы уже не было. Ничего подобного у большевиков не имелось: они сделали сознательную ставку на разрушение рыночной экономики. И все эти чрезвычайные меры, как мы знаем, в тех или иных вариантах просуществовали вплоть до наших дней — в виде так называемой командно-административной системы. Попытка Ленина вернуться к рыночной экономике под знаменем нэпа осталась не более как историческим эпизодом.

В. С. — Мало ли всего было изобретено раньше! Насчет хлебной монополии я что-то не слышал применительно к прошлым временам. И о продотрядах не слышал. Разве что во время войн оккупанты, придя на чужую землю, отнимали либо сжигали весь хлеб у побежденного населения. Пожалуй, хлебная монополия и продотряды — это изобретение Владимира Ильича...

О. М. — В своей брошюре вы пишете о ленинских работах (и соответственно о действиях) периода военного коммунизма. Что это был за коммунизм, мы хорошо знаем: в городах — искусственно вызванный голод, в деревне — зверства продотрядов, отнимающих у крестьянина «излишки» хлеба; вообще изъятие всего «лишнего» и обратная выдача крох по карточкам; всеобщая трудовая повинность. Все это — в соответствии с гениальным замыслом Ильича. Но потом ведь был отход от этого коммунизма, движение к нэпу, «перемена всей точки зрения нашей на социализм». Додумался-таки Ильич, что кнутом не загнать Россию в рай. Это открытие неизменно вызывает у историков слезу умиления: этакая гениальность! А вас слеза не прошибает?

В. С. — Трудно сказать, был ли нэп лишь вынужденным тактическим ходом Ленина, с тем чтобы после короткой необходимой передышки снова обрушить на коренное население трудовую повинность и контроль за распределением продуктов, либо это было искреннее стремление вернуться к нормальному, человеческому образу жизни. Но если было искреннее стремление, то как его сообразовать с ленинскими же словами о нэпе, написанными в марте 1922 года в письме к Л. Б. Каменеву: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому».

Скажу прямо, что в искренность Ленина я не верю. Быть может, он бывал искренним со своими сообщниками (соратниками), когда они собирались на заседания и принимали разные секретные, «архисекретные» решения, но по отношению к населению страны он не был искренним никогда.

Судя по поведению «вождей» позже Ленина — а все они провозглашали себя верными ленинцами, — ведущих (на то и вожди!) народы (баранов, что ли?) по верному ленинскому пути, нэп с самого начала был задуман как чрезвычайная и временная мера.

Но если даже это и не так, если это было, повторю, искреннее стремление вернуться к нормальному образу жизни, то зачем же понадобилось предварительно истреблять десятки миллионов людей, разорить и разрушить страну, ограбить ее?

В самом деле, что такое нэп? Это частная собственность, личная инициатива, личная заинтересованность в труде и личное пользование результатами труда. То есть то самое, что было в России до 1917 года. Но при одной маленькой разнице: ВЛАСТЬ. Власть была уже не «их», а «наша».

Так неужели только ради власти были пролиты реки крови (а страдания людей невозможно исчислить), а когда власть оказалась уже в руках, то они поняли, что лучше властвовать не в голодной, а в нормальной стране. Это, конечно, ловкий ход, но никакой гениальности, сверхгениальности я тут не вижу и слез умиления вместе с «некоторыми» историками не лью.

О. М. — Верите ли, что проживи Ленин немного дольше, он сумел бы спасти тонущий корабль, им же направленный в ложное русло? Я имею в виду его отчаянные попытки предсмертного периода, отразившиеся в так называемом «Политическом завещании»?

В. С. — Сейчас принято говорить об ошибках Ленина, которые он к концу жизни якобы осознал и пытался исправить, но не успел. Но «Политическое завещание», по существу, ничего не меняло. «Курс корабля», во всяком случае. Замена Сталина на посту генсека человеком, который во всех остальных отношениях был бы как Сталин, кроме сталинской грубости? Так примерно это звучит? Расширение состава ЦК за счет рабочих от станка? Это смешные меры.

Об ошибках говорить не приходится. Ошибочна была главная идея: путем насилия, концлагерей, расстрелов, обманов, уморения голодом построить на земле счастливую жизнь, светлое будущее. Светлое будущее на крови миллионов, на муках, на смерти детей, на слезах. Ленин был готов уничтожить 90% населения, чтобы оставшиеся 10% жили при коммунизме. И это в стране Достоевского, Толстого, Чехова, Короленко, других гуманистов. Вспомним определение Лениным диктатуры: «...Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

Думали ли мы, отменяя в России всякую законность в 1917 году, что мы ее отменяем и для себя? — писала Н. Я. Мандельштам.

То есть было уничтожено правовое государство, попраны всякие права человека. Хотите, считайте это ошибкой, хотите, считайте гениальностью. Не могу удержаться и не вспомнить книгу Доры Штурман, которая так и называется: «В. И. Ленин». Абзацы, заканчивающие эту книгу, ставят, мне кажется, точку над «i» в разговоре о политической, исторической да и просто о человеческой судьбе Ленина:

«Победил Ленин в непрестанной борьбе всей своей жизни или потерпел поражение?

Ответ на этот вопрос мог бы дать только сам Ленин. Все зависит от того, каков был истинный, глубокий, интимный стимул его действий, самых жестоких или нелепых.

О Ленине, сколько ни вчитывайся в его сочинения, не скажешь с уверенностью, что ему было решительно наплевать на все, кроме личной власти и сохранения партократии. Если бы последнее было верно, то это значило бы, что, несмотря на финал его жизни, который, по личному его ощущению, был, конечно, трагичен, Ленин одержал одну из

грандиознейших политических побед в истории. Но если для него — в самом последнем и личном счете — не утратили смысла исходные побуждения его молодости, если он и в самом деле надеялся как-то, когда-то в расплывчатом и неопределенном «далеко» осчастливить человечество, то он потерпел величайшее и непоправимое поражение».

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОДПИСАЛСЯ ПОД ТЕМ ПИСЬМОМ

Некоторое время тому назад я получил письмо от инициативной группы добровольного общества «Мемориал». Целью общества провозглашалось увековечение памяти жертв незаконных и необоснованных репрессий середины тридцатых годов. Мне предложили поставить свою подпись под соответствующим письмом в ЦК КПСС. Я этого письма не подписал, и это выглядит, можно сказать, чудовищно, поэтому я решил теперь объяснить и обосновать свою позицию, хотя бы для самого себя.

Тогда, отказываясь от подписи, я задал представителям инициативной группы один-единственный вопрос, на который не получил ответа. Я спросил: «Начиная с какого года репрессии нужно считать незаконными и необоснованными, а до какого года их можно считать и законными и обоснованными?»

Впрочем словечко «незаконные» вскоре как-то незаметно ушло из обихода. Оставалось только слово «необоснованные», а потом выпало и это слово. Так, в информации об избрании общественного Совета, который будет руководить созданием и работой «Мемориала», говорится уже предельно кратко: «Мемориал жертвам сталинских репрессий», без дополнительных уточнений и эпитетов. «В Совет вошли известные писатели, историки, общественные деятели: А. Адамович, Ю. Афанасьев, Г. Бакланов, В. Быков, Е. Евтушенко, Б. Ельцин, Ю. Карякин, В. Коротич, Д. Лихачев, Р. Медведев, Б. Окуджава, Л. Разгон, А. Рыбаков, А. Сахаров, А. Солженицын*, М. Ульянов, М. Шатров».

Прочитав эту информацию в газете «Московские новости», несмотря на авторитетный и, в некотором роде, уникальный состав Совета, я ощутил в себе некий внутренний протест и поймал себя на мысли, что если бы вдруг предложили, отказался бы от участия в этом совете, как ранее отказался поставить подпись под тем письмом. Чудовищен ли этот отказ и если да, то насколько чудовищен?

Да, заглядывать в двадцатые, ровно как в 1918 и 1919 годы, страшно и трудно. Трудно еще и потому, что если от сталинских репрессий остались хоть какие-нибудь следы в виде протоколов допросов, пусть фальсифицированных и вымученных, в виде стенограмм судебных процессов, пусть сфабрикованных, зафиксированных на бумаге приговоров, то

---

* Как известно, Солженицын не дал согласия участвовать в этом совете.

от предыдущих лет и десятилетий не осталось ни документов, ни имен, ни списков, ни даже хотя бы количества истребленных людей. Путем математических, демографических вычислений приходят к цифре в 15—17 миллионов (без коллективизации и голода 1933 года), но, увы, подтвердить эти цифры теперь никак невозможно. (Кстати сказать, а почему в эти наши дни гласности не объявят людям, сколько же человек, в конце-то концов, было расстреляно в насквозь продокументированном 1937 году?).

О ранних годах документации нет, архивов нет. Остались только куцые раздробленные свидетельства, которые можно выловить из литературных источников. Писать об этом было нельзя, говорить об этом было нельзя, но все же «этого» было так много, что кое-что чудом осталось. Это «кое-что» хоть и не может служить юридическим документом, но человеческим документом служить может.

Например, широко известен эпизод ссоры поэта Осипа Мандельштама с крупным чекистом Блюмкиным. Он описан во многих мемуарах, в том числе (правда, в смягченном виде) и в воспоминаниях Надежды Яковлевны Мандельштам, к которым мы еще будем обращаться.

Во время какой-то пирушки Блюмкин и Мандельштам оказались в одной компании. Сильно подвыпивши, Блюмкин начал хвастаться: «Интеллигенция? Культура? Вот она где, вся ваша интеллигенция!» С этими словами он достал из кармана пачку ордеров на расстрел, заранее подписанных высшим начальством, но еще без фамилий, из другого кармана достал список людей, сидящих на Лубянке, и начал на глазах у всех ордера заполнять. Поэт не выдержал этого зрелища, бросился на чекиста, выхватил ордера у него из рук, скомкал или даже порвал.

Об этом эпизоде пишет и Александр Кушнер: «Какой безумный романист придумает авантюрный эпизод столкновения Мандельштама с пьяным Блюмкиным, вертевшим в руках подписанные, но еще не заполненные ордера...»

В воспоминаниях Н. Я. Мандельштам читаем: «Смешно подходить к нашей эпохе с точки зрения римского права или наполеоновского кодекса и тому подобных установлений правовой мысли... Людей снимали пластами, по категориям (возраст тоже принимался во внимание). Церковники, мистики, ученые идеалисты, мыслители, люди, обладавшие правовыми, государственными или экономическими идеями... Люди искореняющей профессии придумали поговорку: «Был бы человек — дело найдется».

Надежда Яковлевна перечислила не все пласты. Гимназисты и гимназистки, а тем более преподаватели и директора гимназий, земцы и землемеры, купечество и дворянство, управляющие домами, банками, железными дорогами, адвокаты и профессора университетов, капитаны

речных пароходов и владельцы трактиров, интеллигенция вообще, верхний слой общества вообще...

Надежда Яковлевна продолжает свои рассуждения. «Мальчишки, делавшие в те дни историю, отличались мальчишеской жестокостью... Почему именно молодых легче всего превратить в убийц? Почему молодость с таким преступным легкомыслием относится к человеческой жизни? Это особенно заметно в роковые эпохи, когда льется кровь и убийство становится бытовым явлением. Нас науськивали как собак на людей, и свора с бессмысленным визгом лизала руки охотнику. Антропофагская психика распространялась, как зараза (антропофагия — людоедство, каннибализм.— **В. С.**). В Киеве, в мастерской Экстер какой-то заезжий гость, не то Рашаль, не то Черняк прочел частушки Маяковского о том, как топят в Мойке офицеров. Бодрые стишки подействовали, и я рассмеялась...»

«Многие до сих пор спрашивают меня, почему О. М. это сделал (бросился на Блюмкина.— **В. С.**), когда расстреливали направо и налево».

«Мы сошлись с О. М. первого мая 1919 года, и он рассказал мне, что на убийство Урицкого большевики ответили «гекатомбой трупов». Мы расстались 1 мая 1938 года, когда его увели, подталкивая в спину, два солдата».

Поясним для тех, кто забыл, что гекатомбы — это древнегреческие жертвоприношения сразу из ста быков. В переносном смысле гекатомбы — это огромные жертвы войны, террора. Ну, а попросту — бойня.

Итак, на смерть Урицкого ответили бойней. Убийство Урицкого — террористический акт. И как известно, участвовал в нем один человек, а не десятки тысяч, превратившиеся в горы трупов. Столыпина, как помним, тоже застрелил один человек. Может быть, за убийцей и стояла какая-нибудь организация, но никаких гекатомб тогда не возникло.

Так что же, убийство этих десятков тысяч было делом законным и обыкновенным? Из случайного совпадения — 1 мая 1919 года и 1 мая 1938 года — Надежда Яковлевна сделала трезвый и объективный вывод: разве думали мы, отменяя в России всякую законность, что мы отменяем ее и для себя?

Надежда Яковлевна продолжает свидетельствовать из Киева: «Мы увидели в окно телегу, полную раздетых трупов. Они были небрежно покрыты рогожей, и со всех сторон торчали части мертвых тел. ЧЕКа помещалось в нашем районе, и трупы через центр (Киева.— **В. С.**) вывозились, вероятно, за город. Мне сказали, что там (в ЧЕКа, а не за городом.— **В. С.**) был сделан желоб, чтобы стекала кровь — техника еще была наивна».

Перекинемся из Киева в Одессу и прочитаем свидетельство ни больше ни меньше как Ивана Алексеевича Бунина. «Кстати об одесской чрезвычайке. Там теперь новая манера пристреливать — над клозетной чашкой» (Иван Бунин. «Окаянные дни»). Значит, унитаз вместо желоба. Удобнее и гигиеничнее. Выстрел. Подержал голову над чашкой клозета,

спустил воду. Следующий! И что же это все — в рамках законности и обоснованности?

После Бунина берем в свидетели замечательного и прославленного писателя, гуманиста и демократа Владимира Галактионовича Короленко.

Мы иногда думаем и гадаем, как отнеслись бы к событиям 20-х годов (и двух предыдущих лет) ну, скажем, Толстой, Чехов, Герцен, Некрасов, Достоевский...

Не знаем. Но вот — Короленко. В эти годы он оказался в своей родной Полтаве, вблизи Миргорода, Сорочинцев, вблизи Диканьки. Что может быть мирнее, идилличнее этих мест?

В 1920 году к Короленко приезжает Луначарский. Скорее всего узнать, прощупать, чем дышит славный и популярный писатель, страдалец за правду народную. Чтобы узнать об этом подробнее и документированно, Луначарский уговорил Короленко писать ему письма с твердым обещанием эти письма опубликовать. О Короленко он потом выразился так: «Эти «праведники» в ужасе от того, что наши руки обагрены кровью». Ни одно письмо опубликовано не было. Вместо этого к Короленко приехала из Москвы группа врачей «лечить простуду», и в 1921 году Владимира Галактионовича не стало.

Но письма его не пропали. Они были изданы в 1922 году в Париже, и эта книжица есть в Ленинской библиотеке, в «спецхране». Теперь эти письма изданы и у нас. Выпишем оттуда несколько отрывков.

«Кошмарный эпизод с расстрелами во время вашего приезда как будто лег между нами такой преградой, что я не могу говорить ни о чем».

«Однажды один из членов Всеукраинской ЧК, встретив меня в Полтавской Чрезвычайной Комиссии, куда я часто приходил и тогда с разными ходатайствами, спросил меня о впечатлениях. Я ответил: если бы при царской власти окружные жандармские управления получили право... казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видим теперь.

На это мой собеседник ответил:

— Но ведь это же для блага народа».

«На улице чекисты расстреляли нескольких так называемых «контр-революционеров». Их уже вели темной ночью на кладбище, где тогда ставили расстреливаемых над открытой могилой и расстреливали в затылок без долгих церемоний. Может быть, они действительно пытались бежать (не мудрено), и их пристрелили тут же на улице... Как бы то ни было, народ, съезжавшийся утром на базар, видел еще лужи крови, которую лизали собаки...»

«Мне горько думать, что и вы, Анатолий Васильевич, вместо призыва к отрезвлению, напоминания о справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, в своей речи высказали солидарность с этими «административными расстрелами».

«Бессудные расстрелы происходят у нас десятками».

В одно из писем к Луначарскому Короленко вставил свое письмо в Миргородскую ЧЕКа.

«Товарищу Порайко,
Я получил от вас любезный ответ на свое письмо... Благодарю вас за эту любезность по отношению ко мне лично, но я узнал, что 9 человек расстреляны уже накануне, в том числе одна девушка 17 лет и еще двое малолетних. Теперь мне известно, что Чрезвычайная Комиссия «судит» и других миргородчан и опять является возможность бессудных казней...

Товарищ Петровский дал телеграмму в Полтаву не приводить приговор над малолетней в исполнение, и Пищалка, как говорят, отправлена в Харьков. Но так как «отправить в Харьков» это формула, которая у нас равносильна «отправить на тот свет» (так отвечают в справочном бюро родным о расстрелянных), то судьба Пищалки остается мрачно сомнительной».

Конечно, демократ, гуманист и правдоискатель не мог спокойно смотреть на происходящее, но и сделать ничего он не мог. Ну, заступился за девочку по фамилии Пищалка, может быть, даже ее он спас от расстрела, но что одна Пищалка, когда во всех бесчисленных городах огромного государства творилось все то же самое. Не осталось вот только документации, и свидетелей теперь уж не осталось. Вот и приходится пользоваться литературными источниками.

Еще один литературный источник — замечательная повесть Валентина Катаева «Уже написан Вертер». Повествование ведется от первого лица. Героя повести, одесского юношу схватила ЧК. Его ведут на допрос. (Скажем, забегая вперед, что и его должны были расстрелять, но в последний момент заставили отойти в сторону. За него успела похлопотать перед крупным чекистом мать, и он остался жив. Он остался свидетелем. А если бы хлопнули вместе со всеми, не было бы свидетеля, как это и получалось во всех остальных случаях. Кстати, не было бы у нас и писателя Валентина Катаева).

Итак, его ведут на допрос. «Послышались шаги. На площадку шестого этажа вышла девушка в гимназическом платье, но без передника, красавица... Породистый подбородок дерзко вздернут и побелел от молчаливого презрения, шея оголена. Обычный кружевной воротничок и кружевные оборочки на рукавах отсутствуют... Сзади комиссар с наганом, копия его комиссара. В обоих нечто троцкое, чернокожаное... Один вел свою с допроса вниз, другой своего на допрос вверх... Ее щеки горели. Точеный носик посветлел, как слоновая кость. Знаменитая Венгржановская. Самая красивая гимназистка в городе. Именно с ней он когда-то танцевал хиавату... Она была участницей польско-английского заговора. Они решили поднять восстание, захватить город и, перебив комиссаров и коммунистов, передать его великой Польше «от моря до моря»...

Теперь их всех, конечно, уничтожат. Может быть, даже сегодня ночью вместе с ним. Наберется человек двадцать и хватит для одного списка... работы на час.

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага. Как родился, так и уйдет.

Неужели Венгржановская тоже разденется на глазах у всех?..

...Следователь оставался в тени. Молодое неразборчивое лицо. На громадном письменном столе возле локтя «кольт», источающий запах смазки. Шикарный кабинет с кожаной мебелью. Может быть, здесь недавно жил какой-нибудь адвокат, коллега отца... Но еще страшнее (следователя.— **В. С.**) было полотнище кумача с лозунгом «Смерть контрреволюции!» Это знамя он уже видел на первомайской демонстрации. Его несли во главе колонны сотрудников губчека. На стене под знаменем висел знакомый портрет: пенсне без оправы, винтики невидящих глаз, обещающих смерть и только смерть...

...В коридор полуподвала ворвался топот многих ног. Одна за другой отпираются двери камер, приближается голос, произносящий фамилии знакомые и незнакомые — по списку.

— Прокудин, дон Дидерихс, Сикорский, Николаев, Ралли, Венгржановская, Омельченко.

Пронесет или не пронесет? Не пронесло. Щелкнул замок. В щели полуоткрывшейся двери тускло блеснула кожаная куртка. Наплечные ремни. Кубанка. Ручной электрический фонарик. Зайчик света побежал по месту бумаги с треугольной печатью.

— Из камеры с вещами. Корабазов. Войнитский. Ничепоренко. Вигланд. Венгржановская...

...Время перестало существовать, так как вокруг уже чернела ночь, пахло петунией и все они сидели в открытой беседке недалеко от гаража, где уже заводили мотор грузовика. (Это чтобы заглушить выстрелы.— **В. С.**).

Два первых уже исчезли. Их вещи кучей лежали на газоне. Стукнуло два выстрела, тупо поглощенных кирпичной стеной. За полуоткрытыми воротами гаража проводилась странная работа...

...Под голой электрической лампочкой слабого накала, на клумбе петуний и ночной красавицы, недалеко от кучи снятой одежды, стоял Наум Бесстрашный, отставив ногу в шевровом сапоге и ему представлялось, что он огнем и мечом утверждает всемирную революцию...»

Но тут Наума Бесстрашного посетило видение, как бы вещий сон сквозь явь. Он как бы пронесся «...мимо черной скульптуры и чаши итальянского фонтана на Лубянской площади и понял, что уже никакая сила в мире его не спасет и он бросился на колени перед незнакомыми людьми, которые уже держали в руках оружие. Он хватал их за руки, пахнущие ружейным маслом (а как же кличка — Бесстрашный? — **В. С.**), он целовал слюнявым разинутым ртом сапоги, до голенища начищенные обувным кремом.

Но все было бесполезно, потому что его взяли с поличным на границе с письмом, которое он вез от изгнанного Троцкого к Радеку... Его

втолкнули в подвал лицом к кирпичной стене. Посыпалась красная пыль, и он перестал существовать...»

При прочтении этих строк может возникнуть множество разных чувств. Во-первых, бросается в глаза разница в поведении на расстреле юной красавицы-гимназистки с гордо поднятой головой и ее убийцы, лижущего слюнявым ртом сапоги. В этом конкретном случае может даже шевельнуться чувство, похожее на возмездие. Но хотелось бы обратить внимание на другое. Не веет ли на нас чем-то знакомым от сформулированного обвинения юной гимназистке: «Польско-английский заговор с целью захватить Одессу и передать его великой Польше «от моря до моря»? Разве это не такой же вздор, как и обвинения 30-х годов, когда советские командиры, комкоры и комбриги оказывались то японскими шпионами, то заговорщиками с целью захватить, ликвидировать, уничтожить? Формулировки начала 20-х и середины 30-х годов оказываются до удивления похожими.

А теперь вернемся к «Мемориалу». Ведь в воздвигнутом мемориале хоть одним камешком — хотим мы этого или не хотим — окажется увековеченной и память о Н. Бесстрашном, поскольку он был расстрелян в тридцатые годы, при Сталине, но в мемориале не отыщется и тени памяти прекрасной гимназистке, застреленной Н. Бесстрашным. Дело не только в Венгржановской, ведь она была не одна. Как правильно написала Н. Я. Мандельштам, людей снимали пластами, по категориям. И как быть с памятью о тех, чья кровь стекала по желобу? Как быть с памятью о тех, чью кровь смывали, спуская воду в клозете? Как быть с памятью о тех, чью кровь лизали собаки на улицах Миргорода? Не забудем, что в каждом без исключения городе огромного государства шли, как их назвал Короленко, бессудные, административные расстрелы, которые применительно к тридцатым годам стали называть скромненько необоснованными репрессиями.

А как быть с жертвами 1929 года, когда ни в чем не повинных крестьян миллионами выбрасывали в тундру на голодную, холодную смерть? Как быть с десятью миллионами жертв 1933 года, когда на Украине, на Кубани и на Волге родители ели своих детей, ибо там был инспирирован голод?

Новый мемориал собираются «привязать» к т. н. «Дому на набережной». Но куда, к какой географической точке привязать, если бы захотели воздвигнуть мемориал мученикам Украины, Кубани и Поволжья, Сибири, Русского Севера, Прибалтики, скотоводам Казахстана, Киргизии, садоводам Таджикистана, труженикам-узбекам, кавказским народам, белорусам, крестьянам коренных российских губерний?.. Ни к какой географической точке, ни к какому «Дому на набережной» такого мемориала не привяжешь. Вся наша земля для них единый мемориал.

Будем ли стыдливо умолкать при упоминании о беззаконном и зверском истреблении царской семьи: четырех девочек, мальчика, женщин; постараемся ли забыть декрет «о расказачивании России», в ко-

тором предписывалось Частям Особого Назначения поголовное истребление казачества с детьми и женщинами и который (декрет) унес больше миллиона казачьих жизней?.. Есть данные, что в России до революции было 360.000 священнослужителей, а к концу 1919 года их осталось 40.000. Забудем об этом? Или сделаем вид, что ничего этого не было? Или будем в каждом отдельном случае воздвигать отдельный мемориал?

Я не подписал тогда «мемориального» письма не потому, что считаю жертвы сталинских репрессий недостойными увековечения, но потому, что, увековечив их, мы тем самым навсегда отбрасываем в тень забвения все остальные жертвы, а они в сотни и тысячи раз многочисленнее и кровавее. Из чего же мы исходим, создавая мемориал, из качества, что ли, жертв? Справедливо ли это и — не побоюсь сказать — нравственно ли?

ПОСЛЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО...

«Не наливают новое вино в старые мехи...» (под этим названием мои заметки опубликованы в «Огоньке» № 29, июль 1991).

Итак, партия сохраняет свое прежнее название. Не самое самое прежнее. Была она когда-то РКП(б), потом ВКП(б), потом стала КПСС. Нетрудно заметить, что во всех этих аббревиатурах присутствует одна, самая важная буква «К». Она означает «коммунизм», она означает, что партия и после XXVIII съезда остается коммунистической, то есть что партия будет по-прежнему пытаться строить коммунистическое государство.

Впрочем, нет, извиняюсь. Коммунизм предполагает отмирание государства со всеми его атрибутами: партиями, правительствами, президентами, верховными советами, госпланами, министерствами, центральными комитетами, судами, прокурорами, партийно-контрольными комиссиями, райсоветами, горсоветами, уголовными розысками, со всей его, одним словом, властью. Так нас, по Марксу, Энгельсу, Ленину, учили в школе. Значит, мы строим не коммунистическое государство, а коммунистическое общество, короче — коммунизм.

Поскольку сама партия без населения страны построить ничего не может, но может служить лишь авангардом, ведущей, вдохновляющей, руководящей (до сих пор не знаю, от чего происходит слово «руководить»: «за руку водить» или «руками водить»), правящей, цементирующей, идеологической силой, то, наверное, она, партия, должна объяснить населению: что же, хотя бы приблизительно мы должны в конце концов построить. Это необходимо объяснить, чтобы люди трудились сознательно, знали бы, для чего, ради чего они, поколение за поколением, десятилетие за десятилетием преодолевают трудности, терпят лише-

ния, потеряли третью часть населения страны (не считая военных потерь), стоят в бесконечных очередях за творогом, за сосисками, за жильем (десятилетиями), за автомобилями, стиральными машинами и холодильниками (годами), за авиа-и железнодорожными билетами (сутками), за такси на привокзальных площадях (часами), за одеждой, за обувью, чтобы войти в кафе, за бутылкой пива, за установкой телефона, на почтовых отделениях, в бюро похоронных принадлежностей...

Да, необходимо объяснить населению, ради чего все это происходит, что мы должны в конце концов построить, что мы понимаем под словом «коммунизм», коль скоро партия продолжает называться коммунистической.

Но дело в том, что этого не знает ни один человек на земном шаре.

Хрущев замахнулся построить коммунизм через 20 лет к 1980 году. Что он имел в виду? И вообще что это было? Глупость? Но ведь он был генсек, он говорил от имени партии, это было внесено даже в программу партии. Или он думал, что людей можно обманывать, как малых неразумных детей? А что думали миллионы рядовых членов партии? На ярком примере с тем же Хрущевым легко было понять, что рядовые члены партии совсем ни о чем не думают, по крайней мере, не думали в те времена. Напомню общую ситуацию.

Часть Политбюро, а именно Маленков, Молотов, Ворошилов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов проголосовали за то, чтобы сместить генсека. Хрущева сняли с генсеков большинством голосов, а для того, чтобы завуалировать от широких масс это большинство, и была придумана потом Хрущевым форма «примкнувший к ним». Вопрос там решался большинством одного голоса. Генсеком был избран Молотов. Вместо того чтобы воспользоваться только что обретенной властью и отдать необходимые распоряжения, он начал произносить доклад, разоблачающий деятельность Хрущева, и говорил пять часов подряд. За это время на военных самолетах свезли в Москву первых секретарей обкомов (членов ЦК), те вошли в зал, где заседало Политбюро, и, проинструктированные, проголосовали за Хрущева. Хрущев победил. Тогда-то он и придумал формулировку «примкнувший к ним».

По всей стране прошли партсобрания в первичных партийных организациях, клеймящие антипартийную группировку и превозносящие дорогого Никиту Сергеевича.

Тогда я подумал: а если бы не свезли на самолетах членов ЦК? Объявили бы утром, что генсеком стал Молотов (а Хрущев уже поднадоел со своей кукурузой, целиной, двойными обкомами, совнархозами), и точно так же прошли бы по всей стране партийные собрания и никто бы не заступился за Хрущева. Как, и правда, никто не заступился за него 14 октября 1964 года. Так я понял, что сама многомиллионная партия, рядовые ее члены ничего не решают. Все делается именем партии, но

делают это несколько человек. Остальные всегда, по любому вопросу согласны с ними.

И вот они строили коммунизм, стремясь распространить это строительство на возможно большее число стран, желательно бы на весь мир, и в то же время не зная, а что́ именно нужно построить. Словечко «коммунизм» было вроде того пучка сена, который вешают на палке перед мордой осла, чтобы он вечно бежал за этим сеном и никогда не мог бы его догнать.

Школьно-классическая формула «от каждого по способностям, каждому по потребностям» практически ровно ничего не означает и никого ни к чему не обязывает. На последнем съезде была найдена новая формулировка: «от каждого по способностям, каждому по произведенному труду». Здравствуйте! Да разве не по этому принципу живут люди во всех развитых странах мира, притом что не морочат головы друг другу разными утопическими идеалами. (Не говоря уж о том, что учесть способности каждого, равно как и потребности, нужна опять-таки громоздкая административно-учетно-распределительная система).

От XXVIII съезда КПСС много ждали, причем ждали не столько перспектив на будущее (будущего у КПСС нет), сколько правдивой, искренней, беспощадной оценки пройденного пути.

Сейчас, какую газету, какой журнал ни откроешь, всюду можно встретить призывы к покаянию. Призывают к нему священники, демократы, писатели и чуть ли не государственные деятели. Но кто же конкретно и за чьи деяния должен покаяться и каким образом? Не может же все население страны опуститься на колени, воздеть руки к небу и просить покаяния. За что? Дело в том, что подлинные, конкретные злодеи, палачи и мучители, разрушители и расточители, истязатели и убийцы — все давно уж на том свете. А сын за отца или за мать, равно как и дочь, равно как и внук, отвечать и просить покаяния не могут. Большинство палачей и убийц были сами убиты в тридцатые годы (и, что бы ни говорили, я вижу в этом руку возмездия), другие умерли своей смертью.

Скажем, Юровский — убийца Николая Александровича Романова и организатор убийства всей царской семьи. Вот что в наши дни о Юровском писал Олег Платонов...

В 1912 году Юровский открывает собственную фотографию в Екатеринбурге. Делает фотоснимки многих богатых жителей города, представителей администрации, духовенства. Позднее эти фотографии, как и адреса клиентов, становятся основой картотеки ЧК. По ней ЧК совершает свои налеты (т. е. грабит и убивает. — **В. С.**). Свердлов доверяет Юровскому, останавливается у него на квартире... После убийства царя Юровский назначается заведующим Московской районной ЧК и членом коллегии МЧК, а с 1919 года работает председателем Екатеринбургской

губернской ЧК, знаменуя свое назначение десятками (боюсь, что не десятками.— В. С.) новых расстрелов. «Ленин считает Юровского надежнейшим коммунистом». (Если бы не считал, не поручили бы ему мокрое дело в Екатеринбурге. — В. С.). В Екатеринбурге ему с семьей выделяется шикарный особняк в трехстах метрах от дома Ипатьева. С ним живут жена — руководительница партийной организации города и дочь — руководитель комсомольской организации, особенно прославившаяся акциями по разрушению православных храмов, ее именем позднее назовут улицу...

Говорят, что жив сын Юровского, не то генерал, не то адмирал в отставке. Так что же, должен ли он отвечать или приносить покаяние за своего отца?

Мать у писателя Юрия Трифонова была, говорят, комиссаром ЧОНовских войск, участвовала в расказачивании России. Должны ли мы винить Юрия Валентиновича за то, что умер без покаяния за действия своих родителей?

Возьмите Аркадия Гайдара. Он участвовал в подавлении тамбовского крестьянского восстания. А когда вспыхнуло восстание в Хакасии, Гайдара сняли с учебы в военной академии и послали в Хакасию. Почему, думаете, его? Не нашлось бы разве других командиров? Потому что была известна его кровавая жестокость. И он настолько оправдал «доверие», что были вынуждены даже его наказать по партийной и служебной линии. Хакасы до сих пор не называют его иначе, как палачом. Мой друг хакас Михаил Кильчичаков рассказал мне эпизод, как сидели в бане 16 заложников. Гайдар им поставил условие: если к утру не скажут, где скрываются «бандиты» (а кто же он сам был?) — расстреляю. А те просто не знали, где скрываются восставшие. И вот утром Аркадий Петрович выпускал их из бани по одному и лично стрелял в затылок. В другом случае он расстрелял пленных, так как не хотел тратить людей на конвоирование их в штаб. А был приказ доставить их в штаб. За нарушение этого приказа его и наказали, а вовсе не за бессудные и безрассудные расстрелы.

И вот жив его сын. Должен ли он отвечать и приносить покаяние за своего отца?

Жива вдова теоретика террора Бухарина...

Так что же, им теперь каяться и просить прощения за мужа и за отца?

Хрущев в своем докладе о культе личности процитировал письмо к Сталину из Лефортовской тюрьмы некоего Кедрова. Кедров пишет, как страшно его пытают. Значит, настигла и Кедрова рука возмездия, потому что это был тот самый Кедров, кого Ленин направил на русский Север, в Архангельскую и Вологодскую области, для истребления там лучших русских людей, и его с полным основанием можно назвать палачом русского Севера. По своей беспощадности, говорят, он превосходил самых кровожадных палачей того времени.

И живы теперь его потомки, и как будто один из них даже писатель, носящий, естественно, другую фамилию. Так, что же, можно ли требовать с них покаяния за преступления, творимые дедом или дядей, пусть хотя бы и двоюродным?

Известно, что родители Василия Аксенова были репрессированы. Евгения Семеновна Гинзбург написала о своих мытарствах честную книгу «Крутой маршрут». Ее свидетельства тем интереснее, что она не скрывает причастности своей и своего мужа к партийно-правящей элите.

«Мой муж еще оставался членом ЦИК СССР, и поэтому я жила в комфортабельном номере гостиницы «Москва», а при моих постоянных поездках из Казани и в Казань меня встречали и провожали машины Татарского представительства в Москве».

«...Остафьево — пушкинский уголок, бывшее имение князя Вяземского, было в то время «Ливадией» столичного масштаба. На зимних каникулах там в большом количестве отдыхали «ответственные дети» (дети Арбата. — **В. С.**), делившие всех окружающих на категории соответственно марке машин. «Линкольщики» и «бьюшники» котировались высоко. «Фордошников» третировали...

...Несмотря на то, что в Остафьеве кормили, как в лучшем ресторане, а вазы с фруктами стояли в каждом номере и пополнялись по мере опустошения, некоторые дамы, сходясь в курзале, брезгливо критиковали местное питание, сравнивая его с питанием в «Соснах» и «Барвихе».

...Это был настоящий пир во время чумы. Ведь 90 процентов тогдашнего остафьевского населения было обречено, и почти все они в течение ближайших месяцев сменили комфортабельные остафьевские комнаты на верхние и нижние нары Бутырской тюрьмы. Их дети, хорошо разбиравшиеся в марках автомобилей, стали питомцами специальных детдомов... но пока еще никто не знал о приближении чумы и пир шел вовсю».

Заметьте, «пир во время чумы» потому, что скоро многие будут арестованы, а вовсе не потому, что на Украине, на Кубани, в Поволжье инспирирован голод и люди едят людей и погибло более 10 миллионов человек.

Рискую совершить перекос в построении статьи и нарушить чувство меры. Но не могу удержаться и не выписать еще одно место из «Крутого маршрута» Евг. Гинзбург.

«И даже сегодня, после всего, что было уже с нами, разве мы проголосовали бы за какой-нибудь другой строй, кроме советского, с которым мы срослись, как с собственным сердцем, который для нас так же естественен, как дыхание. Ведь все, что я имела — и ТЫСЯЧИ ПРОЧИТАННЫХ КНИГ, И ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЮНОСТИ (выделено мной. — **В. С.**), — ведь все это мне дано революцией, в которую я вошла ребенком. КАК НАМ БЫЛО ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ!

КАК ВСЕ БЫЛО ХОРОШО! ЧТО ЖЕ, ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ СЛУЧИЛОСЬ?» (Выделено мной. — **В. С.**).

В этом абзаце больше всего меня удивили и даже потрясли слова о том, что Е. Гинзбург обязана революции тысячами прочитанных книг. Или без революции она и читать бы не научилась? Или в России до революции и книг не было, чтобы читать? А появились они лишь в декабре 1917 года после декрета о печати (то есть об отмене свободы печати) и после того, как из всех библиотек начались бесцеремонные изъятия книг с их последующим уничтожением? Я думаю, что декоративно-помпезные костры из книг на улицах Берлина — это детский лепет по сравнению с вакханалией уничтожения книг и целых библиотек по всей России.

Но, может быть, Женя Гинзбург детство и юность провела где-нибудь за чертой оседлости, в каком-нибудь страшном гетто, где запрещалось читать и где запрещалось учиться? И освободила ее из гетто революция?

Обращаемся к предисловию ее сына Василия Аксенова, предпосланного «Крутому маршруту». Первая фраза предисловия: «Почему на долю моей матери, красивой и романтической девочки-гимназистки из Казани...» Уж как-нибудь в гимназии научилась бы она читать и без Великой Октябрьской Революции. Дальше еще яснее: «...Мой дед, фармацевт Гинзбург, холеный джентльмен с большими пушистыми усами, решил, что когда девочки (моя мама и (ее) сестра Наташа) вырастут, он отправит их учиться в Женеву. Начались усиленные занятия французским языком и, разумеется, фортепьяно».

Удивляет фраза и насчет прекрасной юности, которую якобы подарила ей революция. В Женеве, значит, было бы хуже. А ведь ее юность пришлась на самые страшные, кровавые, голодные, тифозные, братоубийственные годы России. На фоне беспрестанных — и днем и ночью, без суда и следствия, во всех больших и малых городах — расстрелов прошла ее юность. Откуда же это восклицание: «Как нам было интересно жить! Как все было хорошо!»? Интересно и хорошо, но, увы, не всем. Миллионов двадцать самых умных, самых красивых и добрых, самых духовно богатых, лучших россиян, убитые и закопанные в общие рвы и ямы как раз во времена юности Е. Гинзбург, не сказали бы, что им было интересно и хорошо.

Оставим социологам-исследователям прояснить, почему некоторым было так интересно и хорошо, а сами вернемся к главной стезе статьи и скажем, повторим, что приносить покаяние за те годы сейчас практически и конкретно некому. Главные виновники либо были сами уничтожены в тридцатые годы, либо, если и живы (единицы), в девяностолетнем маразматическом возрасте, то что толку от их единичного покаяния. Кроме того, ведь вместо покаяния они возьмут да и воскликнут: «Как нам было интересно жить! Как все было хорошо!»

Детей (детей Арбата) осталось, наверное, немало (некоторых мы даже называли), но дети не виноваты в деяниях отцов. А отцы, между прочим, если бы были живы, могли бы загородиться и таким ответом: «А мы что? Это не мы. Нам приказала партия».

Вот она-то, эта партия, и должна была бы принести всенародное покаяние, ибо все, что совершалось на территории страны (а многое и за ее пределами), совершалось ее именем.

XXVIII съезд КПСС был удобным, самой историей посланным моментом для такого всенародного покаяния. И момент безнадежно упущен (сейчас как ни в чем не бывало провозглашается, что стратегия партии провалилась).

Партия устами своего авторитетного представителя должна была бы раздельно, четко, во всеуслышание сказать, что она виновата:

...в том, что ее именем группа революционеров-экстремистов 25 октября 1917 года арестовала Временное правительство, а позднее разогнала Учредительное собрание, то есть беззаконным насильственным путем захватила власть в Российской к тому времени уже республике...

...в том, что власть этой группой была захвачена не только насильственным, но и обманным путем, не ради благополучия и процветания многочисленных народов, населяющих страну, но ради проведения в стране социально-политического эксперимента, ради использования населения и всех богатств страны как ресурсов, материала, сырья, массы для этого эксперимента...

...в том, что, увидев, что 90% населения участвовать в этом утопическом эксперименте не хотят, захватившие власть вместо того, чтобы отказаться от эксперимента и самоустраниться, развязали в стране чудовищный, невиданный террор, в результате которого была уничтожена более чем третья часть населения...

...в том, что именем партии была развязана кровопролитная братоубийственная война, а цвет нации, если и уцелел частично в этой войне, был выброшен за пределы страны...

...в том, что, ради удовлетворения своих политических амбиций, именем партии была осуществлена вандалистская акция убийства царской семьи, невинных детей и женщин...

...в том, что на протяжении своего властвования властители, отнимая у крестьян весь хлеб, многократно инспирировали голод, уносивший миллионы жизней, доводивший до людоедства и детоедства...

...в том, что многочисленные восстания, естественно вспыхивавшие против жестокого насилия, подавлялись с еще большей жестокостью, буквально топились в крови: восстания путиловское, колпинское, ижорское, кронштадтское, ярославское, рогачевское, астраханское, ижевское, пермское, пензенское, тамбовское, восстания по всей Сибири и по всей Средней Азии...

...в том, что именем партии было произведено массовое истребление донских и кубанских казаков (расказачивание России), когда

войсками ЧОНа уничтожались целые станицы с женщинами и детьми...

...в том, что под предлогом борьбы с голодом (вызванным самими же захватчиками власти и страны) были ограблены и вывезены несметные богатства, накопленные веками в церквах и монастырях...

...в том, что в местах, где живут мусульмане, были уничтожены сотни мечетей и медресе, а также муллы и учителя...

...в том, что в одной только Бурятии в 1936 году было сожжено 36 буддийских монастырей (дацанов) вместе со старинными (тибетскими) библиотеками, историческими, художественными и материальными ценностями...

...в том, что по всей стране было разрушено более 90% монастырей и храмов, а в одной только Москве 450 храмов, включая великую святыню России — Храм Христа Спасителя...

...в том, что в 1929—1930-х годах была проведена насильственная коллективизация крестьян с уничтожением шести миллионов наиболее крепких хозяйств (около 15 миллионов человек), с уничтожением, например, в Казахстане, многомиллионных табунов, отар и стад...

...в том, что коллективизация привела к отчуждению крестьянина от земли, от заинтересованного труда, к тому, что мы теперь называем раскрестьяниванием России, к полному захирению земледелия, к полному запустению деревни, зарастанию земли сорняками, а плодородных лугов — кочками и кустарником...

...в том, что, имея целью не процветание своего государства и народа, а призрачную и утопическую мировую революцию, мировую коммунистическую систему и для того используя порабощенную, изнасилованную страну лишь как источник средств и ресурсов к осуществлению утопической идеи, именем партии на протяжении десятилетий шло разграбление богатейшей страны, шло поспешное варварское сведение лесов, происходил поспешный варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на Север, что приводило как к гибели древесины (топляк), так и к гибели рек, дно которых выстлано топляком в тридцать слоев, шло опустошение недр, хищническое выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, и все — на продажу, и все — сырьем; шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек — благородных рыб, и все — на продажу, все — мимо коренного населения; шло маниакальное строительство гигантских плотин, маниакальное создание гигантских водохранилищ (водогноилищ), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей; шло погубление уникальных на земном шаре воронежских черноземов, отравление Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов травоносных пастбищных степей (целина)...

...в том, что страна в течение десятилетий была покрыта сетью лагерей, которые перемололи десятки миллионов человеческих жизней...

...в том, что система насилия, угнетения, бесправия разрушила общество как таковое, привела его к дефициту нравственности, человечности, духовности, что, в свою очередь, привело к тотальному алкоголизму и к тотальному расцвету преступности...

...в том, что, поразив людей параличом страха, каждого пятого человека завербовывали в тайные доносители (сексоты, стукачи), и таким образом не менее чем пятая часть населения была дополнительно изнасилована и нравственно развращена, ибо нельзя же считать нравственно полноценной личностью тайного доносителя, стукача... (Насчет каждого пятого обнародовал Хрущев, разоблачая деятельность Берия...)

...в том, что, начав лгать с первого дня господствования в стране, лгала на протяжении семидесяти с лишним лет и, продолжая во многом лгать и сегодня, партия приучила население ко лжи, сделав ложь законом жизни в стране и тем самым дополнительно, сверх всяких мер развратив население нравственно и морально. Ложь была нужна партии и состояла в том, что диктатура группы революционеров-экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, что эта группа интеллигентов (полуинтеллигентов) — экстремистов сама провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства. Ложь состояла в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение человека (людей) выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание, что, короче говоря, все черное выдавалось за белое...

...в том, что правящая группа людей именем партии и от имени партии на протяжении десятилетий навязывала населению страны свою волю, не терпя никакого непослушания и даже инакомыслия, тем самым извратив психологию людей, превратив их в покорных и безмолвных рабов (непокорные и не безмолвные изымались и уничтожались)...

...в том, что именем партии целые народы были выброшены из своих исторических мест обитания в казахстанские степи, в пустыни и в тайгу, где эти народы на 3/4 погибли: немцы (Поволжья), чечены, ингуши, карачаевцы, крымские татары, балкарцы, грузинские турки...

...в том, что, имея целью утопическую (то есть неосуществимую) идею мировой революции и мировой коммунистической системы, партия содержала десятки «дочерних» партий и режимов с их партийными газетами, тоталитарными структурами в различных странах мира, пытаясь разложить народы, натравить одну часть народа на другую, что приводило к братоубийственным кровопролитиям, террору, дестабилизации, а там, где удавалось добиться хоть частичного успеха,— к развалу экономики, голоду, обнищанию...

...в том, что в результате всех своих действий партия (а она всегда ведь была у нас правящей и ведущей народы вперед) довела страну до последней черты, ввергнув ее в такую пучину экономических, демографических, социальных, межнациональных, экологических бедствий, что теперь неизвестно, как из этой пучины выкарабкаться.

И вот вместо того, чтобы во всеуслышание рассказать населению о всех этих преступлениях, партия сохраняет свое название, делает вид, что ничего этого не было, и со слепым, фанатичным упорством продолжает настаивать на утопических, самой жизнью разоблаченных идеях строительства социализма, коммунизма, на идеях марксизма-ленинизма (почему бы и не сталинизма?), пресловутого «социалистического выбора», то есть держит курс на окончательное истощение, одичание и вырождение народов.

Вместо того, чтобы громогласно покаяться, они встали и... запели «Интернационал»!

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей...

Где свора? Кто псы? Кто палачи? И что они там, несколько тысяч человек в зале съезда, малые дети, чтобы петь сегодня про свору псов и палачей?

Владеть землей имеем право,
А паразиты — никогда...

У нас, как известно, именно крестьяне и не владеют землей. Зачем же талдычить давным-давно умершие догмы?

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...

Сегодня эти слова не воспринимают всерьез даже дети. А они стоят и поют...

Впрочем, говорят, что на зал была пущена фонограмма и пел профессиональный хор, а стоявшим в зале достаточно было только раскрывать и закрывать рты, делая вид, что поют. Что же, символично и это.

P. S. Сегодня следует сделать примечание о том, что в Москве на Лубянской площади установлен камень «в память о миллионах жертв тоталитарного режима». Что же касается КПСС, то ее судьба после событий августа 1991 года известна читателям.

СОДЕРЖАНИЕ

Читая Ленина 3
Расставание с «богом» 17
Почему я не подписался под тем письмом 30
После двадцать восьмого... 37

СОЛОУХИН Владимир Алексеевич

НАВАЖДЕНИЕ

Статьи последних лет

Редактор С. С. Лесневский

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 8.08.91. Подписано к печати 13.09.91.
Формат 70×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28.
Уч.-изд. л. 3,30. Тираж 81000. Заказ № 792. Цена 20 коп.

Типография издательства «Правда».
125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.